

«А ЗАЧЕМ ТУТ,
В СПАЛЬНЕ,
СЛОН?» 3

Отрывок из нового романа
Жозе Сарамаго

#12
(2310)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

ЛЕТО
НАЧИНАЕТСЯ
С ФЕСТИВАЛЯ
3–5

ПОСОБИЕ
ПО ПОИСКУ
ПУШКИНА
9

7 ВАРИМ
СГУЩЕНКУ
ИЗ ТЕМНОТЫ

Антология
отечественных фантазий

8 ОТКУДА
ПАДАЮТ
ЛЮДИ-ЖИРАФЫ

... И другие загадки
Альберта Санчеса Пиньоля

17 КАЗУС
ПЬЯНОГО
ВАМПИРА

Фред Варгас заигрывает
с нечистью

НОВОСТИ

За стилистическое многообразие

Михаил Шишкин стал обладателем Международной литературной премии берлинского Дома культуры народов мира за роман «Венерин волос» — первое произведение Шишкина, переведенное на немецкий язык, привлекло жюри «стилистическим многообразием». В России «Венерин волос» был отмечен в 2005 году премией «Национальный бестселлер», а в 2006-м стал одним из лауреатов «Большой книги». Денежный эквивалент премии составляет 25 000 евро, и еще 10 000 евро составит приз для переводчика романа Андреаса Третнера. Церемония вручения премии пройдет 29 июня.

В британских гостиных

Лауреатом британской литературной премии Orange, присуждаемой за лучший роман, написанной женщиной, стала Теа Обрехт — американская писательница родом из бывшей Югославии. Статуэтку «Бесси» и чек на сумму 30 000 фунтов (или 50 000 долларов) ей принес ее дебютный роман «The Tiger's Wife» («Жена тигра»). Это написанная в жанре магического реализма история молодой женщины-врача, работающей в некой балканской стране, где только что закончилась гражданская война, и пытающейся разгадать тайну гибели своего деда. «Жена тигра» — исключительная книга, Теа Обрехт — исключительный талант, — отметила на церемонии вручения известный британский историк и телеведущая Беттани Хьюз. — Она обладает потрясающим даром наблюдения и пониманием мира, она мастерски сплетает в единое целое магические истории и вводит в наши гостиные трагический и наполненный конфликтами мир Балкан».

Человек, которому не скучно Автобиография Такеши Китано (стр. 20)

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 27 июня с.г.

771609 312016 >

НОВОСТИ

КНИГА НЕДЕЛИ

Уничтоженная оппозиция

Имя Саши Соколова (р. 1943) — одно из самых легендарных в современной русской литературе. Автор «Школы для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрии» — безусловный классик, при этом классик еще и загадочный. К филигранной темноте его стиля, к его постгуманистической иронии прибавляется долгое молчание и весьма замкнутое существование — если не в сэлинджеровско-пинчоновском духе, то приближающимся к поведению американских затворников образом. Слухи о новом романе Соколова на протяжении долгих лет были весьма популярны в литературной и читательской среде. Соколов

Соколов С.
Триптих.
М.: ОГИ, 2011. – 268 с. 2000 экз.
(п) ISBN 978-5-94282-642-0

поступил совершенно по-соколовски: вместо романа он предъявил сочинение некоего трудноопределяемого жанра.

Сочинение состоит из трех мотивно самостоятельных, но структурно схожих частей: «Рассуждение», «Газибо», «Филорнит» (последняя печаталась в израильском журнале «Зеркало»). Самим обликом текста Соколов проблематизирует едва ли не центральную литературную оппозицию — стиха и прозы. Соколов не только прозаик, но и замечательный поэт (вспомним стихотворные вставки в «Между собакой и волком»). Однако новый соколовский текст убегает от окончательной интерпретации: все три части «Триптиха» состоят из небольших нумерованных фрагментов (максимум — две страницы, минимум — одно слово), разбитых в соответствии с двойной — то есть стихотворной — сегментацией: «... потом можно в стиле реки, то есть плавно/и вместе с тем несколько, что ли, лукаво,/поскольку река безусловно с излучками,/и, наконец, скрупулезно и тщательно, так,/как мыслит тростник, можно мыслить...»

С другой стороны, то явственная, то ускользающая связь между фрагментами, проступающие признаки неуловимого диалога между неопределенными субъектами намекают на особый, то игровой, то нарочито-вычурный, то абстрактно-философичный повествовательный ряд, который можно и должно долго-долго расшифровывать.

Данила Давыдов

В ожидании развязки

Чтобы выразить в одном предложении общее настроение членов жюри, которые 9 июня собрались в кафе «Август» по случаю объявления «длинного списка» премии «Просветитель», то получится что-то вроде: «Ну и работка нам предстоит!» Из ста поданных заявок было выбрано 25, и, судя по всему, главный выбор, который — хотя и приятным, но все-таки грузом — ляжет на судей, окажется нелегким. В 2011 году в лонг-листе оказались книги, присланные центральными и региональными издательствами, научными сотрудниками, а также представленные оргкомитетом Премии, фондом «Династия» и Клубом научных журналистов, поэтому чего-чего, а разнообразия — разумеется, научно-популярного — здесь много. «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья» Николая Борисова и новая книга Мариэтты Чудаковой для детей «Время читать. Полка третья», сразу несколько книг кулинарно-исследовательской тематики («Общепит. Микоян и советская кухня» Ирины Глущенко и «Пища людей» Андрея Козлова), книги о космосе и полете Гагарина, о медицине, экологии, особенностях человеческого организма и химическом составе вселенной, а также труды, посвященные экономике, математике, истории и литературе. Примечательно, что в список попали и те книги, которые, на первый взгляд, согласно уставу Премии, в него попасть не должны, к примеру, «Словарь модных слов» Владимира Новикова. Как сказали члены оргкомитета, невзирая на название, книга больше похожа на сборник любопытных филологических эссе, чем на подборку словарных статей в их привычном формате. Чтобы узнать, на чем в итоге «остановятся» члены жюри, среди которых в этом году профессиональный биолог Илья Колмановский и лингвист Максим Кронгауз, — придется ждать почти полгода: имена победителей в естественно-научном и гуманитарном блоках станут известны лишь в ноябре, на традиционной торжественной церемонии. Впрочем, ей, как обычно, будет предшествовать «короткий список», а его ждать, к счастью, не так долго.

Дебютанты постарели

Открытие 11-го сезона литературной премии «Дебют» ознаменовалось серьезным изменением формата премии. «Дебютанты» резко «постарели»: предельный возраст для претендующих на награду молодых писателей увеличился с 25 до 35 лет. Оргкомитет премии объяснил свое решение двумя причинами. Первая: 30 и более лет — нормальный возраст для начала литературной карьеры. Вторая: премия активно сотрудничает с иностранными издательствами, сборники лауреатов «Дебюта» выходят на английском, французском, немецком, испанском и китайском языках, а за рубежом предпочитают переводить и печатать не литературных новичков, а авторов, имеющих в «портфеле» хотя бы 1–2 книги. На длину лонг-листа изменения в формате не повлияют — в него все так же будут входить 100 произведений, однако нагрузка на экспертов-ридеров увеличится. Оргкомитет «Дебюта» надеется, что облегчение возрастного ценза не скажется на сути премии и уже известные писатели, попадающие в «дебютные» рамки, не станут конкурировать с начинающими литераторами.

Издания, отрецензированные в номере

А я вам – про Ерему: Собрание стихотворений к шестидесятилетию А. В. Еременко	11
Агостино О. Ржавчина в крови	15
Бекер Ю. Дети Бронштейна	15
Берже Ад. П. Кавказская старина	15
Библейские истории. В пересказе М.Письменного	15
Буркин Ю., Буркин С. Русалка и Зеленая ночь	15
В смысле. Рассказы, которые будут	7
Варгас Ф. Заповедное место	17
Васькин А. «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы	9
Володихин Д. Царь Федор Иванович	15
Джабер Х. Ковер-самолет до Багдада	10
Джонс Д. Первая могила справа	16
Евгений Глебов. Судьбы серебряные струны: Воспоминания, интервью, посвящения, эссе	19
Китано Т., Темман М. Такеши Китано: Автобиография	20
Клэр К. Сумеречные охотники: Город стекла ...	16
Ключарева Н. В Африку, куда же еще?	22
Копелев Д. На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века ..	11
Лавришина Ю. Улитка в тарелке	22
Лампос П., Сванберг Л.К. Я женщина Саддама	10
Марочкин В., Сычева Н., Игнатьев А. Песни нашего поколения: Семидесятые	19

Михайлов Д. Крепость надежды	15
Мортенсон Г., Релин Д.О. Три чашки чая	10
Муди Х. Бог ненавидит нас всех	20
Наше время: Антология современной литературы России	7
Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского	11
Нечаев А. Чудеса земли Камчатки	24
Новый Белкин	7
Нотомб А. Катилинарии: Роман; Пеплум: Роман; Топливо: Пьеса	8
Опатошу И. В польских лесах	11
Пиньоль А.С. Золотые века: Рассказы	8
Рогозин Д. Барон Жолток: История одной России 15	11
Рэнкин И. Музыка под занавес	17
Санди Л. Печенье на солоде марки «Туччи» делает мир гораздо Лучше	6
Смирнов Я. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи	9
Смит З. О красоте	6
Сорокин Е. Акварель	11
Строганов М., Трифаженкова И. Словарь филологических терминов В. Г. Белинского	11
Троппер Дж. Книга Джо	6
Труды «Русской антропологической школы». Вып. 7.	11
Фатов Н. Молодые годы Леонида Андреева ...	11
Хантер Ф. Одержимая	16

Дублинская премия

В столице Ирландии 15 июня объявили имя лауреата престижной Дублинской литературной премии за лучшее прозаическое произведение на английском языке. Премии удостоился известный ирландский писатель Колум Макканн, проживающий в Нью-Йорке, за роман «Пусть вертится великолепный мир». Он получил денежный приз в размере ста тысяч евро.

Действия его произведения происходят в Нью-Йорке в 1974 году, где только что построенные башни-близнецы Всемирного торгового центра служат связующим звеном, вокруг которого развиваются десять разных, не похожих друг на друга человеческих судеб.

Данный роман сорокашестилетнего писателя уже удостоивался американской Национальной книжной премии в 2009 году. Жюри ирландского конкурса назвало произведение «выдающимся литературным шедевром»: «Это действительно роман XXI века, который рассказывает о своем времени, но не поработен им. Автору "Пусть вертится великолепный мир" удалось настолько точно передать образ людей того времени, что у всех читателей, и не только жителей Нью-Йорка, создается ощущение, что они были очевидцами тех событий».

Помимо ирландского писателя в шорт-лист также вошли Колм Тойбин, Дэвид Малоуф, Джойс Кэрол Оутс, Крейг Силвей и Уильям Тревор, а фаворитом считалась американская писательница Барбара Кингсолвер, обладательница премии «Оранж» за 2010 год.

Дублинская литературная премия — не только одна из самых крупных в денежном выражении, но и одна из самых демократичных в мире, поскольку претендовать на нее может любой писатель из любой страны. Единственным ограничением является обязательная публикация книги на английском языке. Если книга изначально издана на другом языке, 25% премии получает ее переводчик.

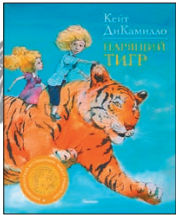
Хижина, которую построила Гарриет

14 июня исполнилось 200 лет со дня рождения Гарриет Элизабет Бичер-Стоу. В литературу она пришла как автор детских повестей, писала стихотворения на религиозную тематику, но в истории осталась как автор одной книги — романа «Хижина дядя Тома». К сожалению, именно популяризация книги Бичер-Стоу сыграла с ней злую шутку: театральные режиссеры охотно жертвовали прогрессивными идеями «Хижины Дяди Тома» во имя зрелищности и сентиментальности, изображали героев Бичер-Стоу такими, какими их хотел видеть далеко не всегда прогрессивный зритель. Так имя дяди Тома стало нарицательным обозначением забитого «поплушного негра» и даже предателя своей расы. В октябре 2006 года в США вышла книга «101 самая влиятельная несуществующая личность», посвященная литературным героям, сыгравшим значительную роль в истории человечества. Дядя Том занимает в этом списке одиннадцатое место.

Выбор редакции

1 Еще одна непростая история от замечательной сказочницы Кейт ДиКамилло. У каждого нормального ребенка должен быть хоть один страшный — или кажущийся страшным — секрет. У Роба секрет был — однажды, прогуливая школу, он забрел в лес и обнаружил там... несчастного, запертого в клетке тигра. Кому и как можно рассказать о такой находке? И надо ли?

ДиКамилло К.
Парящий тигр / Пер. с англ. О.Варшавер.
М.: Махаон, 2011. — 128 с.

2 Как приятно бывает вернуть в светскую беседу занимательный факт из жизни животных! Одна проблема: очень многие из таких занимательных фактов... не отвечают действительности. Но известный французский журналист Эдуар Лоне готов рассказать нам всю правду о сексуальной жизни богомоллов, пьяных слонах и падающих кошках.

Лоне Э.
Падение кошки и другие зоосенсации / Пер. с фр. И.Исхакова.
М.: КоЛибри, 2011. — 208 с.

3 Столичный журналист-телевизионщик Глеб Ларин отправляется в черноморский городок, чтобы снять документальный фильм. Там ему предстоит как-то наладить общение с людьми, которые, не занимая никаких постов, на самом деле управляют городом. Вроде бы освоившись в этой шекотливой обстановке, Ларин вдруг попадает в руки бандитов...

Лекух Д.
Командировка в лето.
М.: АСТ, 2011. — 320 с.

От стихов до футбола

Рано хоронить курдский

Первым писателем, которого увидели и услышали посетители VI Московского международного открытого книжного фестиваля во внутреннем дворике ЦДХ, был Шамуз Дагтекин — известный французский прозаик и поэт курдского происхождения. Так фестиваль естественным образом начался с полезной культурно-толерантной ноты. Впрочем, турецко-курдские страсти на встрече не полыхали и на трагические ошибки французских властей в отношении ближневосточных иммигрантов никто не указывал. Шамуз Дагтекин читал стихи на французском и курдском языках, а также отрывок из автобиографического прозаического произведения «У источника, ночь» (было бы замечательно, если бы эту книгу издали на русском!) — и говорил о мультикультурности в самом позитивно-философском смысле этого слова.

Дагтекин явно не принадлежит к тем литераторам, для которых «национальная идентичность» становится частью профессии. Понятия «чужой» для него вообще не существует — только «известное» и «неизвестное». «Неизвестное» — это всего лишь то, что находится за дверью, и чтобы «неизвестное» превратилось в «известное», достаточно эту дверь открыть. В своих книгах Дагтекин стремится обращаться не к французам, не к туркам и не к курдам, а к людям — по его мнению, только разговор «по-человечески» может способствовать прекращению межнациональной вражды. О проблеме сохранения курдской культуры писатель жестко, но здраво заметил, что если курдский язык, подобно многим языкам на планете, исчезнет, мир не развалится, однако поспешил оптимистично добавить, что если уж пять империй не погубили курдский за прошедшие века, хоронить его рано.

Вобщем, получилась отвлеченная, но весьма живая и интересная беседа об особенностях культурного развития человечества. Общественной конкретики участники встречи коснулись лишь раз, когда разговор зашел о жизни французского поэтического сообщества. Оказалось, что страдает оно от тех же проблем, что и российское: современная французская поэзия, начиная с 1960-х, стала отрываться от своего читателя, а сегодня и вовсе «закрылась», превратившись в стерильные экзерсисы поэтов о себе. Только в произведениях молодого поколения реальность мало-помалу снова проникает в текст. «Очень приятно хотя бы в этом отношении осознавать себя частью Европы», — заметил куратор ММОКФ Борис Куприянов.

«Когда б вы знали...»

Декламация и рассказы о «маленькой жизни» стихотворения — так прошла поэтическая встреча с прозаиком, поэтом, эссеи-

стом и переводчиком Сергеем Гандлевским 12 июня в павильоне «Гурзуф». Экспрессивно прочитанные стихи и воспоминания о том, из какого чудесного сора они вдруг родились, — что еще нужно любителю поэзии? — Может быть, громкий и звучный голос автора привлек в «Гурзуф» столько народа...

Сергей Гандлевский не скупился на подробности: как он писал стихи, о чем они, какие мысли и люди навевали идею стихотворения... (Он специально выбрал для обсуждения несколько опубликованных стихотворений: «Велибр», «Апреля цирковая музыка», «Ай да сирень в этом мае», «Видимо школьный двор» и другие.) А также рассказал о любопытном споре, возникшем у него с В.П. Волошевым из-за стихотворения «Видимо школьный двор». Подоплека стихотворения — тема неоконченной школы и ожидание неизвестного будущего. По мнению самого автора, это стихотворение таит в себе страх разоблачения, на что его оппонент возразил: стихотворение таит в себе специфические сны, присущие сознанию советского человека, прошедшего классическую советскую систему образования. А стихотворение «Ай да сирень...» поэт написал после смерти своей матери.

Закончил свою встречу Сергей Гандлевский стихотворением «Вот римлянка, в свои осьмнадцать лет...», написанным «буквально на днях» классическим белым стихом.

Иероглиф счастья

Без преувеличения: все павильоны фестиваля были полны, и немудрено — интересные лекции, встречи с выдающимися писателями, поэтами, философами, историками, редакторами, и филологами... Но «сверхзадачей» — буквально «ни кусочка свободного места» — стала презентация новой книги Захара Прилепина «Черная Обезьяна». Уже за 20 минут до начала павильон был переполнен.

Посетители буквально горели желанием пообщаться с писателем, однако модератор Константин Мильчин выступил в роли главного интервьюера, а Захар Прилепин бодро и живо отвечал на его вопросы. (Как знать, может быть, эти вопросы и ответы были заранее хорошо продуманы и отрепетированы...)

Сначала писатель объяснил, чем отличается «Черная обезьяна» от предыдущих книг. Она написана о человеке, чьи иррациональные поступки повергают его в особое состояние. Это иллюстрация человеческого поведения, поступков, совершая которые, человек «обрушивается в свой собственный ад», но «градус ада более смещен». В ходе дискуссии зашла речь и об утверждении, что писатель творит по «наитию» или «не рационально», на что Захар Прилепин отреагировал достаточно жестко: «Я думаю, что я знаю,

о чем пишу свой текст. Для меня это самая отвратительная манера поведения — когда человек говорит, что пишет текст от Бога. Надо знать, о чем пишешь сам!»

А в целом, по словам писателя, одна из главных его задач — это поиск единого иероглифа человеческого счастья. Он пояснил, почему выбирает героев с нестандартным поведением: «Иррациональные поступки породили то, что являет собой Россия. XIX век — какие-то бессмысленные декабристы, толстовские общины, роман “Что делать”... А потом — раз! — и вся планета перекроилась по-другому».

А вот вопросы из зала были мало связаны с темой новой книги Захара Прилепина. Касались они и образования писателя, и того, как Прилепин относится к произведениям Дмитрия Быкова, спросили даже об отношении «русского писателя» к ситуации в Ливии... Должно быть, «Черную обезьяну» просто еще не успели прочесть — потому и раскупали ее столь охотно.

Летает, но не радуется

О благородных задачах и туманных перспективах отечественных литературных премий можно рассуждать сколь угодно долго, красиво и бессмысленно — а можно и по-другому. На встрече «Будущее литературных премий» «комиссар и политрук» Нацбеста Виктор Топоров и куратор ММОКФ Борис Куприянов беседовали не о пропаганде разумного-доброго-вечного в давно уже не самой читаемой стране, а о наболевшем. «Все, кто следит за премиальным процессом в России, понимают, что он в глубоком... кризисе», — заметил Куприянов, а Топоров уточнил: в случае с «Национальным бестселлером» ситуация напоминает анекдот о воздушном шарике — летает, но не радуется. И чем дальше, тем больше не радуется. Засим состоялся сеанс скандальных подробностей и шокирующих разоблачений — Топоров поведал, как на практике выглядит работа нацбестовского Малого жюри. Все проще некуда: специально приглашаемые «просвещенные читатели» чтением себя не утруждают и выбирают победителя методом ненаучного тыка в самую известную фамилию из списка. Взять хотя бы последний Нацбест — рэпер Noise MC сам признался, что из «Остромова...», за которого голосовал, осилил страниц пять, а остальных финалистов и вовсе «не трогал».

Подкорректировать ситуацию, конечно, помогают специальные педагогические мероприятия — завтраки с членами жюри. На них Топоров терпеливо объясняет, что читать надо, и хоть премия называется не «Интеллектуальный бестселлер», слово «интеллектуальный» надо держать в голове, и хоть премия и называется «Национальный бестселлер», задача «просвещенных читателей» — не отметить самый популярный

роман из шорт-листа, а помочь талантливому автору «проснуться знаменитым». После разъяснительной работы голосуют лучше, но вот беда — не каждый год удается проводить завтраки... Злоехидные представители прессы немедленно потребовали уточнить, в какой год победителя выбирали, отзавтракав, а в какой — нет, и, в частности, в каком состоянии жюри присудило премию Проханову. Ответа они не получили — все-таки и шокирующим подробностям есть предел.

Кроме непросвещенного поведения «просвещенных читателей» Нацбеста есть еще куча проблем. В форматах премий полная путаница: «Большую книгу» дают «букеровским» «Журавлям и карликам», Букер совершает один странный шаг за другим, Нацбест не удовлетворяет своих же организаторов. Публика за последние 10 лет поглупела, вслед за ней скукожилась литература, вслед за литературой скукожилась литературная критика — составляя премиальные жюри, приходится из года в год тасовать набор из 30–40 имен... Тут уж никакие завтраки не помогут, а что поможет — пока, увы, непонятно.

Нам не страшен sms

От кинематографа ждали, что он убьет книгу, от телевидения — что оно убьет книгу, кинематограф и радио, от Интернета — что он убьет книгу, кинематограф, радио и телевидение. Пока что ни одно из вышеперечисленных средств коммуникации ожиданий не оправдало, но человечество не устает верить в безграничные возможности техники.

На ММОКФ финалисты «Большой книги» Дмитрий Данилов, Сергей Кузнецов, Юрий Буйда и Алексей Слаповский вместе с Натальей Кочетковой, редактором книжной рубрики «TimeOut Москва», выясняли, не угрожают ли роману такие исчадия информационного общества, как Twitter и sms.

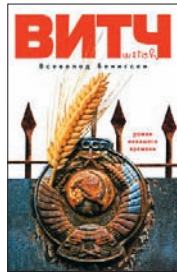
Для этого, естественно, требовалось сначала ответить на один из самых заковыристых вопросов российской литературной современности: а что, собственно, такое роман? Дмитрий Данилов был уверен в том, что сегодня роман — это просто художественное произведение определенного объема. Юрий Буйда вспомнил интересное определение, услышанное когда-то от Анатолия Ананьева: если герой входит в текст и выходит из него изменившимся — это роман, если же неизменившимся — повесть. Алексей Слаповский заявил, что роман — это произведение, в котором люди обязательно мучаются, душой или разумом, и даже предложил занимательную классификацию жанров по болевому принципу: рассказ — боль, повесть — болезнь, роман — мучения. Увлечательно подискутировав вокруг этих версий, писатели так и не нашли определения,

4 За этот исторический детектив Акرويد получил премию Уитбрета и премию «Гардиан». В начале XVIII века Николас Дайер возвел в Лондоне шесть церквей, и в основании каждой была человеческая жертва. А нам, жителям дня сегодняшнего, предстоит расследовать совершенные тогда убийства и понять, какое отношение имеет происходящее к знаменитому зодчему Николасу Хоксмур.

Акرويد П.
Хоксмур / Пер. с англ.
А.Асланян.
М.: Астрель, Corpus, 2011. — 448 с.

5 Всеволод Бенигсен снова зовет в небезопасную прогулку по закоулкам альтернативной отечественной истории. Конец 1990-х. Журналист Максим Терещенко получил интересный заказ — написать книгу о малоизвестных писателях-диссидентах 70-х. Только вот беда: по ходу работы выясняется, что все герои его исследования таинственно исчезли, будто и не существовали вовсе. И этому есть объяснение...

Бенигсен Вс.
ВИТЧ
М.: АСТ, 2011. — 384 с.

6 Джон Гришэм, автор знаменитых «Фирмы», «Дела о пеликанах», «Клиента» и прочих «судебных триллеров», удивил всех. Оставаясь верным своему любимому жанру, он, тем не менее, написал роман для подростков. Нет никакого сомнения, что 13-летний Теодор Бун ничем не хуже Тома Сойера, Джима Хоккинса или Гарри Поттера.

Гришэм Дж.
Преступление без наказания: Теодор Бун — маленький юрист / Пер. с англ. Е.Филипповой.
М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 320 с.

7 Совершенно не секрет, что нынешние ученые — то же, что древние шаманы. Они могут произносить глубокомысленные заклинания, сами мало понимая, что делают. Но, в отличие от других, члены проекта Edge честно признаются в своем незнании законов природы. И все-таки они верят в инопланетян, антигравитацию, холодную плазму и прочую современную магию.

Во что мы верим, но не можем доказать: Интеллектуалы XXI века о современной науке. Под ред. Дж.Брокмана / Пер. с англ. А.Стативки.
М.: Альпина нон-фикшн, 2011. — 336 с.

«ММОКФ»

удовлетворяющего всех, зато развенчали несколько мифов о «безумном, безумном мире» информационного общества. Сергей Кузнецов вспомнил 1970–80-е, когда мыслящая общественность была так же встревожена ускоряющимся ритмом жизни. С тех пор ритм ускорился неимоверно — и что же? В организации человеческой деятельности не произошло никаких кардинальных изменений. И люди вовсе не разлюбили большие объемы информации: средняя длина фильмов выросла, сериалы из развлечения для домохозяек превратились в благопристойный культурный мейнстрим. Информационная среда стала более обрывочной — и тем больше у нас потребность «притормозить», погрузиться во что-нибудь спокойное и размеренное, например, в хороший роман, благо электронные книги позволяют теперь не надрываться, таская в сумке тяжелые фолианты. Так что Twitter и sms роману не угрожают ни своей краткостью, ни онлайн-новостью. Их «предшественник» — телеграфный стиль 20-х годов XX века — канул в Лету, а роман никуда не делся. А если посмотреть на историю этого жанра, мы без труда увидим, что ему вообще никогда ничего и не угрожало. Он всегда будет нам нужен, просто он постоянно меняется вместе с меняющимся же миром — и это совершенно нормально.

Афедрон. Просто афедрон!

«Давайте поругаемся!» — жизнерадостно призывала гостей фестиваля Елена Колядина. Повод вроде бы был. Ну как не побрызгать желчью, когда автор того самого букеро- и абзаценосного «Цветочного креста» собирается рассуждать на тему «Что такое “высокая литература”»? — а ее собеседник Виктор Топоров горячо убеждает, что мандарины и картошка, чудо-мичуринским способом пересаженные в русскую провинцию XVII века, вкупе с сентенцией *«Манда должна пахнуть мандой, а не “Красной Москвой”*» — просто такие особенности хитрой стилизации?!

Толком поговорить о «высокой» литературе, естественно, не получилось — обсуждали все тот же «Цветочный крест», однако бранной дискуссии об афедроне тоже не вышло. Злосчастного букеровского жури в фестивальной шатре не все равно было, а с Колядиной ругаться — никакого смысла. О чем ругаться с милейшей женщиной? «Высокой литературой» свое творение однозначно не считает; в том, что была в книжном и купила Даниэлу Стил, создается без утайки; Виктору Топорову сделала божественный комплимент: *«Он раскусил меня до самых интимных мест»*. А на вопрос об анахронических картофельных рогульках честно ответила, что это просто была игра такая — раскидать по роману маленькие, милые сердцу детали из семейной истории. Рогульки появились в «Цветочном кресте» потому, что их пекла прабабушка Колядиной. Вот и все. И вообще этот роман не более чем шутка юмора. Всего-то развеселило человека слово «афедрон», вставил человек это слово в книжку про любовь — а люди, вместо того чтобы посмеяться, выдвинули на Букер, потом изругали ругательски, потом чуть ли не в букероубийстве обвинили, и еще неизвестно, чего от них ждать, когда издадут книгой вторую часть «Цветочного креста»...

Не будь Елена Колядина дамой вполне себе зрелого возраста, впору было бы крикнуть: «Да отстаньте же от ребенка!» Другими словами, перефразируя известный анекдот, иногда афедрон — это просто афедрон.

Великая Футбольная Идея

Что может быть иногда приятнее цифр? Например, таких — 5:0. Это счет встречи сборной СССР и Португалии, которая состоялась 27 апреля 1983 года. Давно это было... Хотя и не так давно, как тот

сказочный разгром, который мы учинили шведам 8 сентября 1954 года, — 7:0. А три года спустя сыграли вничью с румынами, как и с итальянцами — в год студенческой революции. Но если вы думаете, что вся радость заключается в одном лишь перечислении цифр, значит, вы вообще — или пока еще — ничего не знаете. Не знаете, что 11 июня — день открытия ММОКФ — стал также и днем рождения нового клуба, выбравшего себе имя «ДНК — СПОРТ». В огромном подвальном зале № 1 на десяти громадных экранах (а в специально оборудованной зоне — еще и в формате HD), в режиме нон-стоп с утра и до позднего вечера транслировалсь самые потрясающие, красивые, легендарные, напряженные и важные фрагменты матчей нашей футбольной истории. Впечатляет? А между тем, это еще не все. *«Когда видишь кадры, на которых играют в футбол Крутиков и Нетто, или Бышовец и Стрельцов — люди из моего детства, все мои кумиры, то словно и сам снова становишься ребенком. Непередаваемое чувство»*. За одно это — сказанное, между прочим, лучшим футболистом СССР 1972 года и бронзовым призером Олимпийских игр в Мюнхене, знаменитым полузащитником Евгением Ловчевым, — за одно только это уже следует сказать спасибо. Во-первых, Центральному Дому Художника и его директору, во-вторых, тем, кому вообще пришла в голову эта умная мысль, — куратору новой программы и «Музею Футбола» с его проектом, суть которого сводится к тому, чтобы пришедшие могли выбрать из всех звезд нашего футбола самых любимых, а затем проголосовать и помочь таким образом составить «Нашу сборную — команду мечты».

Но вернемся, однако, к Ловчеву: его признательность и восторг не были одинокими. Потому что помимо этого героя в спортивный клуб пришли и иные живые легенды: некоторые играли в футбол, а другие — о нем писали.

День начался с обсуждения проблемы, которую люди осторожные и вежливые деликатно называют «весьма горячей», — футбол и футбольные фанаты. Но что ее горячность по сравнению с пылом участников этой дискуссии: Дмитрия Лекуха, написавшего несколько книг на так называемую «околофутбольную» тему («Мы к вам приедем», «Ангел за правым плечом»), и Дмитрия Жвании («Битва за сектор»).

А продолжился день встречей с человеком, книгами которого не восхищаются только те, кто их не читал. Но кто же не читал «Красный интерес» и «Спортивный машину»? *«Меня, бывает, спрашивают: почему я пишу всегда о прошлом? А я отвечаю: но как же тогда те, кто молод, узнают о том, что было. А кроме того, для меня-то это не совсем прошлое — это часть моей собственной жизни, которая и сейчас со мной»*, — так писатель и публицист Александр Нилин начал встречу с болельщиками и читателями — вот он, редкий случай, когда эти две группы сливаются в одну. А встреча была посвящена теме «Нужны ли российскому футболу иностранные тренеры». *«Тренер — профессия, которая всегда была какой-то непонятной: и в советские времена, когда его воспринимали как начальника, и сейчас, когда у него совершенно другой образ»*, — заметил Нилин перед тем, как на центральном экране появились первые титры документальной картины 1987 года «Невозможный Бесков», названной так именно по выражению писателя. Это и правда очень хорошее название — поразительно точное и вместе с тем лаконичное. Выдающийся тренер, которого называют гением футбола, и человек, из-за характера которого страдали многие великие футболисты (как игроки, так и их наставники), — в этом фильме он снят как бы из-за кулис и предстает, по словам Нилина, *«именно таким, каким и был на самом деле»*, таким, каким его «видит» в этом кино другой знаменитый «спартаковский» тренер — Николай Петрович Старостин: *«бархатным диктатором»*.

Вслед за Нилиным главное место — то есть «у телевизора» — заняли футболист оборонительного плана Евгений Ловчев, журналист Игорь Рабинер и человек, который всю свою игровую карьеру провел только в одном клубе — московском «Спартаке». И как провел! *«Что для меня значило попасть в “Спартак”?» — сказал Геннадий Логофет. — Что значило попасть в команду, где было десять олимпийских чемпионов, где все — понимае-те, все до единого — были кумирами детства, и где, ко всему прочему, в воротах стоял сам Яшин?! В общем, я “задержался” в “Спартаке” на семнадцать лет»*. О «Спартаке», впрочем, говорили не только из-за Логофета — последняя на данный момент книга Игоря Рабинера («Спартаковские исповеди») также погружает в мир красно-белых: шестнадцать историй, рассказанных автору легендами клуба, в числе которых и Симонян, и Ярцев, и Исаев; Чересов, Дасаев и Мостовой.

Ну и на десерт — в завершение насыщенного дня — его величество Пуговичный футбол! Как, вы не знаете, что это такое? Это же невероятное действо — по силе, по накалу страстей и по интеллектуальной составляющей, конечно, тоже. Потому что — как рассказал журналист, ведущий радиостанции «Эхо Москвы» и знаток Сергей Бунтман, представивший Пуговичный футбол, — *это «когда тренерская концепция оживает»*. Настольная игра, появившаяся, по всей вероятности, после войны, включает в себя несколько школ, течений, направлений и даже видов. И многие из присутствующих: литературовед и писатель Николай Александров, журналист Антон Орех, его коллега Евгений Бунтман, а также оставшийся на вечер Александр Павлович Нилин — все с детской радостью в горящих глазах и восторженном голосе вспоминали о том, как игравали, бывало, в этот чудесный футбол — на старых, добрых и приятно *«медленных чертежных досках»*. *«Мой любимый размер, — признался старший Бунтман, — шестьдесят восемь сантиметров»*. Что же до самих игроков — то есть пуговиц, — то их, конечно, можно купить в магазине или заказать по Интернету, но *«какое в этом наслаждение? — Нет-нет, гораздо лучше сделать их самостоятельно: оторвать от рубашки и подточить где надо, но ни в коем случае не избавляться от дырочек, потому что игрок обязательно должен сохранять какие-то признаки пуговицы»*.

Вообще-то, по первоначальному плану, день должен был закончиться большим ток-шоу «Сборная России как элемент национальной идеи» — с участием спортивных журналистов, комментаторов, спортсменов и ученых. И все пришли. Но спор с самого начала был назван большинством из них *«абсурдным»*. И все же нельзя сказать, что собравшиеся не присутствовали при создании национальной идеи. Да — она не была национальной, но, по крайней мере, она была идеей, просто Идеей. Если вам сложно в это поверить, то стоит попробовать самим: оторвать от костюма несколько пуговиц, найти доску и, главное, — сообщника, то есть противника.

Ландшафт и сцепление с жизнью

На встрече с пугающим названием «Выбранная Россия» говорили, слава Богу, не о путях отечественной демократии, а о городе Тарусе и особенностях существования писателя в русской провинции. На Цветаевой и Заболоцком литературная история Тарусы отнюдь не кончается. Сегодня в мире изящной словесности ее представляют Александр Иличевский и Максим Осипов. Таруса первого — это уникальный ландшафт, где встретились когда-то несколько ледников, а сейчас шелестят травы и живет удивительной жизнью река. Таруса второго — больница, где он работает (стараясь по возможности никому не признаваться в писательской деятельности), и где гораздо лучше, чем в мега-

полисе, ощущается *«сцепление с жизнью»*. Для наглядности Максим Осипов прочел эссе-предисловие к своему сборнику «Крик домашней птицы» — о человеческих взаимоотношениях в условиях русской глубинки, а Александр Иличевский — лирический отрывок из своего новейшего, пока еще не изданного романа «Анархисты», после которого большинству утомленных столичным летом слушателей наверняка захотелось немедленно уехать в Тарусу.

Говоря о таком явлении, как русская провинция, удержаться в масштабах одного населенного пункта попросту невозможно — и беседа довольно быстро приняла глобальные политико-экономико-философские очертания. Прозаики, модератор Константин Мильчин и посетители фестиваля долго и живо говорили о проблеме литературного описания России во всем ее географическом многообразии, о вымирании деревень и ошибках советской власти, понастроившей городов в местах, не предназначенных для комфортного существования человека. О том, что первоначальная тема встречи осталась где-то далеко позади, писатели и читатели вспомнили, только когда принялись обсуждать криминальные и экономические проблемы Краснодарского края.

Француз из Москвы

«Детективные истории такие же древние, как сам мир». Не слабо? Это утверждение, может быть, и чересчур громкое, если не сказать провокационное, однако оно вовсе не лишено смысла, тем более, если так говорит Марк Рюскар — мастер детектива, французский прозаик, сценарист и продюсер. На встречу с читателями, которая прошла в «Херсонесе» в первый день фестиваля, он, весь в черном с ног до головы, за исключением красной оправы очков, пришел вовремя, серьезный и сосредоточенный — почти как на лекцию в университет. Таинственно? — Да, в полном соответствии с детективной темой. И, разумеется — тоже в соответствии с ней, — это была всего лишь иллюзия. Хотя начался разговор о разнице между романом в жанре «нуар» и детективным романом в его французском, американском или, к примеру, шведском варианте с погружения в Древнюю Историю Детектива. Вы знали, что в эту историю попадают отрывки из Библии и Корана, некоторые рыцарские средневековые романы и, конечно, чуть более поздние — авантурные? Впрочем, если говорить о настоящем детективе, а не его предшественниках, то нужно отправиться в XIX век, когда на свет появился Шерлок Холмс, а вместе с ним — загадка, интеллектуальная игра, поиск и опасное расследование: все то, что в детективе важнее всего. Именно Холмсу сэра Артура Конан Дойла, по мысли Рюскара, должны быть обязаны популярные сериалы вроде «Экспертов» и «C.S.I. Место преступления». Как и кинематограф, детектив начинался «снизу», как что-то почти что асоциальное, призванное взбудоражить и испугать, — ведь он связан с преступлением, с попранием закона и справедливости. Взгляните на Арсена Люпэна, которого так любят во Франции... Впрочем, сейчас там говорят и другое: очень многие французы громко и возмущенно выступают против американских детективов и сериалов о преступлениях и полицейских расследованиях. *«Говорят о своей ненависти к ним целый день, — заметил месье Рюскар, и тут-то его «лекция» окончательно перестала быть лекцией, — а вечером приходят домой и — что делают? — включают телевизор и именно их и смотрят, или читают перед сном в тайне от остальных. Понимаете, есть разница между дискурсом, литературой и реальностью. Французы, в отличие от русских, обожают подавать себя как больших индивидуальностей»*. Тут, надо заметить, кое-кто из присутствующих — оказавшихся как раз французами — попытался встать на защиту соотечественников. Но, пожалуй, не слиш-

«Ммокф»

ком убедительно по сравнению с тем, как парировал Рюскар: *«Французы так долго считали себя королями мира — и в литературе, и в кинематографе, и во многом другом,— что сейчас им стоит быть поскромнее»*. Кроме того, следует заметить также и то, что Марк Рюскар — опять перевоплотившийся в профессора — предостерег собравшихся от глупой привычки судить не по книге, а по жанру: будь то детектив или «нуар». Ах да, «нуар»! — Это дитя родилось в XX веке — вместе с комиссаром Мегре, придуманным Жоржем Сименоном и волшебно сыгранным Жаном Габеном. Сколько лет уже на набережной Орфевр распутываются головоломные загадки?! Немногим больше, чем мы, то есть не совсем мы — скорее, французы и им сочувствующие, — испытывают на себе влияние студенческой революции 68-го года. О ней французский писатель вспомнил неслучайно, потому что именно ее последствия несет на своих плечах французский роман. Даже сейчас — хотя это прямо, разумеется, не подчеркивается. *«Первый роман, который я написал о России и который продавался в магазине «Панглосс», тоже был посвящен Перестройке в Москве и событиям, происходившим в Якутии. Он позволил мне рассказать о двух темах, очень и очень меня занимавших. Первой темой был весь тот бардак, творившийся в столице после долгих лет “закрытости”. А второй темой стала власть денег и сила коррупции. Роман в жанре “нуар” помогает привлечь многих читателей благодаря интриге. В Москве, где я жил в 90-е годы, убивали примерно одного банкира в неделю. И, как ни кощунственно прозвучит,— это вызвало желание писать»*.

Хочешь — будь Тилем

Гостя из Германии — куратор, писатель, эксперт по взаимодействиям искусства и экономики Пирошка Досси — представляла на фестивале свой нашумевший в Европе путеводитель по арт-бизнес-кухне «Продано!» — и рассказывала о рыночной ипостаси существования искусства.

«Продано!» показывает арт-бизнес далеко не в самом привлекательном ракурсе, однако книга это не «пугательная», скорее уж неприятно честная. И на встрече с российскими читателями Пирошка Досси рассуждала о взаимоотношениях творческого труда и капитала спокойно и объективно, не впадая ни в рыночную, ни в арт-крайность. Предсказанная когда-то Гегелем гибель искусства, по ее мнению, вряд ли когда-нибудь произойдет, а если и произойдет, то не по вине рынка. Да, их взаимоотношения далеки от идеала, но и одним сплошным насилием над музами не являются.

С одной стороны, логики искусства и рынка противоположны. Первое озабочено созданием новых смыслов, второй — эффективным получением и распределением выгоды, причем справедливостью при этом распределении не пахнет; потому-то возникшее в 1960-х понятие «инвестиционной ценности» произведений искусства определенно принесло искусству больше вреда, чем пользы. С другой стороны, именно рынок обеспечил успех авангардистам XX века. А если продвинуться еще дальше по временной шкале, можно увидеть, что «выход на рынок» изначально был для художников благом — освобождением от диктата заказчиков, обретением независимости. По наблюдениям Досси, сегодня бизнес-стихия предлагает художникам разные способы существования: хочешь — будь Тилем Уленшипигелем и показывай возмущенным обывателям глумливое зеркало с их пороками, хочешь — будь предпринимателем и производи то, что покупают. В это, может быть, сложно поверить, но какое бы влияние ни оказывали в наши дни инвесторские предпочтения на искусство, чтобы быть авторитетным художником, совсем не обязательно быть «продаваемым». И самое главное: как бы рынок

ни стремился концентрировать внимание и деньги на нескольких раскрученных именах, деятелей искусства меньше не становится. Это обнадеживает.

Форма ищет тему?

«Стихи с разговорами» с поэтом, эссеистом, лауреатом премии «Андрея Белого» Михаилом Айзенбергом, не смотря на название и большое количество гостей, в оживленный полилог не превратились. Айзенберг казался несколько смущенным, да и паузы между стихотворениями затягивались.

Поэт читал стихи из известных циклов — «Спроси у лесников», «Даль, блеснувшая копьем», «Посмотри, какой убыток», «Ангел мой, глаза закрою», «Хоть я и не протягивал руки...», а в середине встречи перешел к новым стихотворениям. *«Эти стихи совсем недавние,—* прокомментировал он,*— важно именно их прочесть...»* «Сон идет за веком...», «Тех красавиц розовые пятки...» На этом стихотворении Михаил Айзенберг завершил свое чтение и, аккуратно сложив все записи в стопку, в сдержанной манере перешел к комментариям и вопросам.

Он рассказал, что с удовольствием откликнулся на предложение провести поэтическую встречу под названием «Стихи с разговорами», особенно ему понравилась идея и контекст самой встречи. *«Разговоры необходимы стихам,—* прибавил поэт,*— они как питательный бульон»*. Но, пояснил он, только поэзия способна создавать разговор, это «необходимая вещь для культуры. А комментировать собственные стихи — нецеломудренно».

Один из наиболее интересных вопросов от слушателей прозвучал так: *«Динамика ваших стихов — негативная. Согласны ли вы с этим?»* На что Михаил Айзенберг пустился в пространные объяснения, что он вовсе не негативный человек относительно себя и других людей. А кто тогда негативен, что есть лирический герой и с чего начинаются стихотворения — суть мифология. *«И кто вообще пишет стихи — это не ясно лично для меня»*. Далее Айзенберг процитировал Олега Юрьева: *«Я пишу стихи для того, чтобы узнать, о чем они»*, сказав, что, на его взгляд, это самое честное высказывание из всех, что ему приходилось слышать. И очень часто происходит так, что форма стихов ищет свою тему, а не наоборот.

Филология VS философия

Если подобрать определения, характеризующие все лекции Фестиваля, то обсуждение основных современных проблем философии и филологии с доктором философских наук, профессором В. А. Подорогой по праву можно называть одной из самых «интеллектуальных» и незаурядных.

Проблематика заданной темы — методы исследования литературы, зафиксированные в филологическом контексте на сегодняшний день становятся все более «законсервированными», а интерес к школьным «обязательным» произведениям поддерживается лишь на формальном уровне.

Еще Валерий Подорога и Александр Скидан, редактор «Нового литературного обозрения», беседовали о языке «Мимесиса». «Мимесис» в переводе с греческого означает «подобие», «подражание», принцип творчества, перешедший из копирования окружающей среды в самостоятельный творческий акт. А книга Валерия Подороги «Мимесис» представляет собой материалы по аналитической антропологии литературы. В своей работе он попытался найти новый подход к исследованию литературы, что дало неожиданный результат. Для него новая методика исследования литературы — это *«акт спасения литературных памятников, тонущих в филологическом пристрастии»*.

Также на лекции был затронут конфликт профессионального труда литературоведов и экзистенциального читательского воспри-

ятия воспроизведения — ведь во все времена эти точки зрения сильно отличались друг от друга.

Одна из главных целей, поставленных при изучении литературы, — это выход за пределы филологии и философии к одному общему полю. *«Я хотел увидеть, как в настоящем времени может существовать та литература, на которой я был воспитан»,—* сказал Валерий Подорога. А Александр Скидан, выступающий в роли его оппонента, заметил, что нельзя переходить к пониманию литературного произведения *«без накопления опыта эмпирических фактов, без знания текстологии»* — ведь без этого можно совершить много ошибок и «ляпов».

Что касается языка книги, по поводу которого возникло много споров, то Валерий Подорога прокомментировал: *«Раздражение вызывает сам стиль. Некоторые полагают, что это не философия, другие полагают, что это не научный анализ, третьи полагают, что так нельзя делать вообще ничего. Но все-таки я надеюсь, что я постарался многие вещи учитывать. Я хочу исходить не из предмета — как предмета феноменологического анализа, а из феноменологичности моего языка. Он не должен никогда находиться на уровне формализации»*.

Остается добавить, что работа Валерия Подороги не закончена — и в ближайшем будущем планируется выход второй части «Мимесиса».

Яблони на Марсе

Астроном, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Государственного астрономического института им. П. К. Штернберга, финалист премии «Просветитель—2010» Владимир Сурдин прочел лекцию под названием «Что мы получили за 50 лет космонавтики».

Лекция делилась на две части. Вводная часть была скорее просветительская и состояла из небольшого обзора научных достижений России в области космонавтики (впрочем, реальные достижения следует отнести к истории СССР), а также достижений американских коллег — в прошлом главных конкурентов. Затем Владимир Сурдин плавно перешел к основной проблематике: каковы потенциальные преимущества современной космонавтики, что дала человечеству эта наука за пятьдесят лет, есть у нее будущее в России — и в мире.

Прежде всего, космонавтика дала новое, сверхскоростное транспортное средство. Но динамика ракет в отличие от другого транспорта заключается в вертикальном движении, где действуют иные физические законы. Поэтому задачи по конструированию ракет и других космических аппаратов — более сложные и требуют больших финансовых вложений, потому и не произошло ожидаемого прорыва. Главная проблема заключается в том, что даже если в ближайшем будущем космические аппараты станут более модернизированными, то они ни в коем случае «не подешевеют». Так, например, на один запуск ракеты *«используется 500 тонн самого дорогостоящего топлива»*. А вопрос, окупаются ли эти финансовые вложения и какую реальную выгоду они приносят «земным цивилизациям», стал ключевым аспектом всего выступления.

Стоит отметить несколько основных исторических фактов: это и «семерка Королева», ракета, придуманная им как *«транспорт для космонавтов»*. Гениальность этого изобретения, пояснил Сурдин, заключается в том, что ступени ракеты идут параллельно, а зажигание топлива происходит на Земле. Еще Сурдин подробно рассказал о запуске первого космического спутника, о межпланетных полетах («Луна—1» — промахнулась, «Луне—2» удалось достичь поверхности, а результат третьего запуска стал настоящим прорывом — космической аппарат сфотографировал обратную сторону Луны). После этого Владимир Сурдин перешел к обзору «героической космонавтики»

в истории СССР, упомянув о первом «живом существе» в космосе — знаменитой лайке. А вот мечты советского народа о том, что на огромных космических станциях в скором будущем появятся целые заводы, оказались беспочвенными — как выяснилось, изготавливать что-либо в космическом пространстве невозможно.

Многое было еще упомянуто — и самая крупная американская лунная миссия «Аполлон», и полеты за пределами лунной орбиты... Но приходится признать, что хорошая советская школа космонавтики постепенно стала сходить на нет. По словам Сурдина связано это с двумя главными факторами — отсутствием государственного финансирования и уходом в небытие советской инженерной школы, потерями важных инженерных архивов. Отвечая на один из вопросов слушателей, Сурдин сравнил положение российской космонавтики в мире с индийской. Коснулся лектор и главного вопроса — почему же все-таки не проводятся работы для возобновления полетов человека на Луну. Ответ прозаичен: космические аппараты так хорошо работают на поверхности Луны, что миссия человека — просто непонятна. Кстати, ни слова об «инопланетянах», которых якобы видели американские астронавты на Луне, не было сказано.

Зато говоря о новых разработках и космических машинах, астроном в основном ссыался на достижения американских специалистов. Например, поведал о Space Shuttle — о ракетах, которые планировалось запускать в космос неоднократно, в целях экономии средств. Самые надежные совершили не более 25 полетов, а два «Шатла» разбились, хотя изначально каждый аппарат был рассчитан на 50 полетов. Российская же попытка создать ракету многоразового использования — «Буран» — в конце 1980-х с треском провалилась, да и была бессмысленна, по мнению лектора, со всех сторон — в том числе и с политической.

Впрочем, главная помеха в космосе — это сам человек: на одно только создание «бытовых условий» должно тратиться изрядное количество денег. *«Присутствие человека рядом с космической аппаратурой скорее минус, чем плюс»,—* заключил лектор.

Однако все не так пессимистично, как кажется. К примеру, космический телескоп Hubble позволяет ученым открывать новые планеты и звезды. *«Судьбу нашего Солнца мы теперь знаем, потому Hubble это сфотографировал»*. Еще одними достижениями в мире космонавтики стали два вида телескопов — рентгеновские и инфракрасные, которые позволили определить дальнейшую судьбу солнечной системы и космоса и дали необходимую информацию о процессах, происходящих в космическом пространстве. Именно снимки рождения звезд были представлены рентгеновскими телескопами. Инфракрасные телескопы позволили заглянуть вглубь галактики, словно рентгенологи — в организм человека.

Не обошлось и без научно-фантастических разговоров. Речь шла о спутниках планет-гигантов — Юпитера и Сатурна. По словам ученого, *«когда Солнце подойдет к своему финалу и начнет жарить землю значительно сильнее, чем сегодня, и атмосфера нашей планеты испарится, а океаны закипят, то, скорее всего, придется переселяться на эти небольшие спутники»*. Лед, покрывающий их поверхность, растает и превратиться в огромный океан. А суша? — Этот вопрос так и повис в воздухе.

Завершая свою лекцию и подводя итоги, Владимир Сурдин обратился к теме «внеземных цивилизаций». И пусть пока никаких реально-обоснованных следов найти не удалось, но можно записать всю информацию об истории человечества на миниатюрный носитель и раскидать по планетам других систем — в надежде, что и мы когда-нибудь что-нибудь получим в ответ.

На Фестивале работали: Мария Мельникова, Вера Бройде, Ангелина Громова

рецензии

беллетристика

О коварстве счастливого брака

Ольга Гонтаева

Словосочетание «счастливый брак» звучит рискованно и многообещающе одновременно. Роман Эди Смит «О красоте» повествует о Pro et contra двух любовных брачных историй длиной в жизнь — и демонстрирует любопытные зарисовки о любви, приправленные кислосладкой романтикой жизни университетских студентов и преподавателей. Развитие повествования здесь всегда неожиданно, хотя на определенном этапе чтения, когда героев заносит на очередном повороте, ты понимаешь, что только такой ход событий для них и возможен. В центре сюжета — война не на жизнь, а на смерть двух универси-

Смит Э.
О красоте / Пер. с англ.
О. Качановой, А. Власовой.
М.: Издательство Ольги Морозовой.
2010. — 560 с. 4000 экз. (п)
ISBN 978-5-98695-053-2

тетских профессоров, предметом изысканий которых

является история искусств. Симпатяга-либерал Говард Белси, поборник абстрактного искусства и противник дифференциации людей по финансовому статусу, цвету кожи и любым другим сравнительным критериям, недолюбливает, да что уж там — искренне презирает Монтегю Кипса. Последний знать не желает ничего о пользе преимущественных прав, голодающих африканских детях и грозящей планете экологической катастрофе. Если в доме Кипсов тон задают политика и деньги, то семейство Белси помешано на борьбе за независимость всех от всех и прекрасное будущее человечества связывает со всеобщим избира-

тельным правом. Впрочем, все это не мешает дружить законным половинкам профессоров Белси и Кипса — Кики и Каролине.

Смит рассказывает нам о невыносимом своей прозрачностью и при этом пугающем вещностью «Браке на долгие годы». Яркая, независимая, норовистая Кики Белси и замкнутая в своем маленьком семейном мире Каролина Кипс одинаково любят и любящей планете экологической катастрофе. Если в доме Кипсов тон задают политика и деньги, то семейство Белси помешано на борьбе за независимость всех от всех и прекрасное будущее человечества связывает со всеобщим избира-

вает временный перенос интимных интересов профессора Говарда. Первая своим молчанием хранит мир и покой в семье, вторая вовлекает в конфликт детей, друзей дома и даже коллег мужа. И все же Кики Белси выглядит органичнее, человечнее, живет в ее гневе и смятении, чем спокойная и уравновешенная Кипс. Впрочем, дела в датском королевстве Белси не так уж плохи. В последней сцене романа Кики (за полгода до этого она подала на развод и съехала из дома, оставив детей на попечение супруга) приходит на университетское выступление мужа — и улыбки в глазах обоих, обращенные друг к другу,

значат больше, чем страсть, они означают внутреннюю необходимость друг в друге, что, по всей видимости, и является секретом долгосрочного семейного союза на все времена.

Переплетая сюжетные линии как музыкальные темы, Эди Смит аранжирует изумительное по полифоничности повествование, от которого на протяжении всего действия так и не знаешь, чего ожидать. Роман «О красоте» приятно читать и еще приятнее дочитывать, поняв наконец итоговые акценты и хитрый замысел автора. Но кто знает — может быть, семейные перипетии кланов Белси и Кипс все еще продолжают?

Город несчастливого детства

Алиса Лебедева

Обратная сторона благополучной американской провинции была мастерски показана еще в «Твин Пикс», но прятные домики и идеальные лужайки так и остались излюбленными декорациями для семейных драм. Джо Гофман, герой книги Троппера, учился в маленьком городке и считался неудачником, потому что не играл в школьной баскетбольной команде, в отличие от своего отца и старшего брата. Вырвавшись из Буш-Фолса, Джо написал о нем разоблачительный роман, превративший его в знаменитого писателя и врага № 1 для всех жителей городка. Обстоятельства заставляют Джо вернуться в родные пенаты, где неприятности и некрасивые сцены ему обес-

печены. Джо ожидает ворох семейных проблем и встречи с прототипами своих персонажей, которые преподадут несколько уроков нью-йоркскому баловню.

Судьба таких потенциальных бестселлеров, как книга Джонатана Троппера, вполне предсказуема: после публикации следует голливудская экранизация, а затем — переиздание в мягкой обложке с афишей фильма. Писатели заранее облегчают задачу режиссерам, придумывая сюжет по законам киножанра и описывая все так, словно через камеру глядят: в книге Троппера герою выплескивают в лицо коктейль, главный злодей устрашающе пускает сигаретный дым, а школьная любовь принима-

ется выяснять отношения во время ланча. Здесь есть даже саундтрек — действие разворачивается под песни Брюса Спрингстина.

В цепочке, начинающейся автором и завершающейся кинорежиссером, читатель становится мало-значительным звеном — текст изначально ориентирован на зрителя, а полтора часа экранного времени имеют неоспоримое преимущество перед четырьмя страницами. Удержаться на книжной полке такие произведения могут только за счет литературных особенностей, недоступных киноязыку. Этим «Книга Джо» и отличается от прочих бестселлеров, и ее стоит читать хотя бы потому, что Джонатан Троппер

Троппер Дж.
Книга Джо: Роман / Пер. с английского
С. Туганбаевой.
М.: Астрель, CORPUS, 2011. — 480 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-271-30297-8

старается избегать штампов, удивляя то лихим сюжетным поворотом, то не в меру трогательным признанием, то

интересной метафорой. Но неожиданное всего оказывается искренность, из-за которой такие эффекты, как взрыв машины или прыжок с водопада, кажутся совсем неуместными.

Возвращение в город детства — это всегда путешествие в прошлое, во время которого оживают не только воспоминания, но и застарелые обиды. Герою справиться с ними гораздо труднее, чем с озлобленными жителями Буш-Фолса. Но повзрослевший Джо воспринимает все не так, как эгоистичный тинейджер. Он пытается понять и своего холодного отца, и высокомерного старшего брата, и своих школьных обидчиков — всех, из-за кого когда-то он убежал из

города. Между тем, и сам Джо нуждается в прощении, и настоящая интрига заключается в том, удастся ли ему избавиться от груза прошлых проблем. Без нее роман Джонатана Троппера был бы не менее забавным, сентиментальным, остро-сюжетным — ведь злоключений и лирических сцен предостаточно и в настоящем, — но тогда книга была бы так же далека от реальности, как любая приключенческая кинокомедия. Троппер же все-таки оставил место и неоднозначным характерам, и многоплановым событиям, так что в итоге у него получилась пусть и не жемчужина американской прозы, но книга глубже обычного американского бестселлера.

Из чего только сделаны девочки

Дина Батий

Писательскому дебюту Лауры Санди предшествовала разнообразная окологородская деятельность. Итальянка помогала своему отцу, скульптору и ювелиру, организовывала выставки и продюсировала спектакли. Книжка стала логическим продолжением ее творчества, поэтому воспринимать ее следует только как событие в жизни Лауры Санди, а не в литературном мире.

История Леды Ротко демонстрирует превратности детства в богемной семье. Отец создает гениальные скульптуры, постоянно грохоча молотками и не замечая ничего вокруг. Мама потихоньку сходит с ума от чрезмерного чувства вины. Бабушка, быв-

шая оперная дива, дарит внучке одну и ту же пластинку на все дни рождения. Няня никогда не отвечает на вопросы. Сама же Леда разительно отличается от сверстников — ничего не знает о Боге и телевидении, и за это ей приходится постоянно оправдываться перед одноклассниками. Так дети интеллигенции расплачиваются за таланты и особенности своих родителей. Вся интрига сводится к тому, сумеет ли маленькая девочка выкрутиться так, чтобы ее отличия казались преимуществами, или же будет обречена на невыносимое школьное одиночество.

Все остальные герои упоминаются как-то вскользь

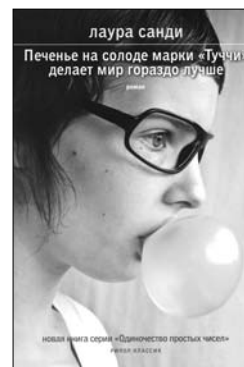
и совершенно не меняются. Если поначалу они и впрямь кажутся забавными, то затем — предсказуемыми и просто-напросто скучными: папа всегда будет долбить молотком, няня не слушать, а соперница ненавидеть. Ироничный тон Лауры Санди не в силах оживить этот механический мирок — его хватает на пару смешных эпизодов, а затем приходится разглаживать сюжет, насыщать его «случайными» совпадениями и сомнительными персонажами.

Писательница выбрала беспроблемную тему — о детстве интересно читать всегда, хотя бы потому, что попутно наплывают приятные воспоминания о соб-

ственных радостях, открытиях, даже школьных бедах. Эмоции накладываются на повествование, и в итоге от него остаются хорошие впечатления, независимо от таланта автора. Впрочем, сама Лаура Санди вспоминает свои юные годы без щемящей ностальгии. Нельзя даже сказать, что события ее детства показаны глазами наивного ребенка. Дети исследуют окружающий мир, где каждая мелочь таит в себе загадочную историю, они попросту не умеют скучать, а Леда в шесть лет начинает хандрить, потому что ее не интересует ничего, кроме собственной персоны. Она все делает с оглядкой на невидимую публику, слов-

но играет на сцене для одного-единственного зрителя — для Лауры Санди, а та, в свою очередь, аплодирует своей героине каждую минуту. Автор доволен — персонаж отлично справился с ролью, все получилось.

Нехитрый сюжет, немного лирики и драмы, обилие шуток, полное отсутствие тяжелых размышлений — и забавная книжка готова. Самое подходящее определение для ее непринужденного стиля — «то да се», и легкость здесь граничит с бессмыслицей. Зато рекламный слоган в названии твердо отпечатывается в памяти: «Печенье на солоде марки «Туччи» делает мир гораздо лучше».

Санди Л.
Печенье на солоде марки «Туччи» делает мир гораздо лучше / Пер. с итал.
И. Константиновой.
М.: РИПОЛ классик, 2011. — 240 с. — (Одиночество простых чисел). 7000 экз. (п) ISBN 978-5-386-02898-5

русская проза

рецензии

Дракон за фонарем

Анна Сабова

Что общего у пражской лярвы — мифического существа, поедающего чужие грехи, моли, дракона, Деда Мороза, русалки, поросенка из преисподней и сгущенки из темноты? «ФРАМ». В свежий сборник серии уместились мистика, фантастика, межгалактический детектив, городские легенды, зарисовки с элементами притчи, научно-философских эссе и детских страшилок. Разобраться, что к чему в этой сборной солянке, Макс Фрай предлагает самому читателю, свалив на его неподготовленную голову рассказы, от которых хочется то засмеяться в голос, то заплакать, то тихо улыбнуться, то зевнуть.

В смысле. Рассказы, которые будут / Сост. Макс Фрай.

С-Пб: Амфора, ТИД Амфора, 2011. — 607 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-367-01902-5

В глубинке Южнорусское Овчарово дед Костик

из темноты «варит» свет, создавая достойную конкуренцию местному «Дальэ-нерго», за заколоченным окном израильского дома в снова и снова повторяется 11 сентября, моль проносит речь с вершины торта, тем временем дурачок обзаводится жабрами, а девочки становятся тенями... Понятно, что от книги, которая начинается со слова «конец», ждать чего-то привычного глупо. Фантастика и мистика становятся универсальным языком сборника. Добро и зло, смерть и жизнь, вера в чудо и надежда на Бога, преодоление страха перед неизвестным и самим собой — эти темы образуют в сборнике

довольно странную смесь. Все попытки разобраться в ней в лучшем случае заканчиваются вопросом «А стоит ли?», в худшем же — «Что это было?».

Из этой картины выбираются «Негерои» Лей Любомирской, цикл рассказов о Южнорусском Овчарово Лоры Белоиван, «Дед Мороз» Галы Рубинштейн, «Жизнь и ловля пресноводных рыб» Ирины Комиссаровой, «Посвящение» Ульи Новы и «Год дракона» Кэти Тренд. Рассказ о Нем, который, будет счастлив не с Ней, а с сутулой девушкой в вязанном берете и очках, по своей сложности вряд ли сравнится с перипетиями

философски-запутанного детектива «Дело Евы Браун». Ругающиеся и простоватые жители Южно-го Овчарова едва ли так же загадочны, как порочные пражане из «Верного Генриха». Хотя по пунктам «смескалка» и «сообразительность» первые дадут фору как минимум десяти лярвам и русалкам. Во всяком случае, сегодня заставить электрокомпанию работать на себя гораздо труднее, чем съесть любой человеческий грех или утащить зазевавшегося путника на дно под тихую песню. Драконы, которые прежде творили мир, а теперь скрываются за домами и мусорными урнами, кажутся куда более

реальными, чем наглое насекомое, которое взгромоздилось на именинный пирог и с завидным упорством что-то вещает.

При всех различиях рассказы объединяет одно — желание сказать что-то очень важное и легко ускользающее. В погоне за ним одни авторы выбирают путь символов и иносказаний, другие — просто обращаются к читателю. Что лучше, сказать трудно — зависит от того, в чьи руки попадет книга. Хотя есть ли смысл искать то, что скрыто, в неизвестных глубинах, когда оно находится прямо перед глазами? Ведь и дракон может скрываться за уличным фонарем.

Падение вертикали

Сергей Шулаков

Пожалуй, самое важное, что содержится под обложкой альманаха «Новый Белкин», — это статья заместителя главного редактора журнала «Знамя» (она же президент Фонда Русская Литературная Инициатива и координатор Премии Белкина) Натальи Ивановой «Трудно первые десять лет. Конспект наблюдений». Начав с того, что современная — начала XXI века — русская литература за календарем не поспевает, «договаривает век двадцатый», Наталья Иванова отмечает, что писатели старшего поколения, работавшие «кумулятивно» — «прирастающие текстами, не меняющими репутации» (Л. Зорин, А. Битов, Ф. Искандер), пользуются уважением, как «дедушки», а вот писателям сред-

него поколения не повезло: «Для публики они были слишком утонченными, а для критики недостаточно парадоксальными». Как особую черту новой литературы автор отмечает нарастание интеллектуальной левизны (в политическом смысле). «Леваки» — «Гуцко с Прилепиным, Прилепин с Садулаевым, Садулаев с Сенчиным... И к этой цепи примыкают все новые звенья». Эти звенья — Ирина Мамаева и Наталья Ключарева.

Представляется, что с левизной здесь не совсем точно, Садулаев в интервью одной из как раз правых газет назвал эту, скажем, когорту молодой литературной мафией. «Я, признаюсь, побаивалась встречи Германа Садулаева... и Захара Прилепина в подмосковных Липках, —

пишет Наталья Иванова. — А они, напротив, сразу нашли общий язык и даже подружились». Кто с кем группируется и куда они, сгруппировавшись, уклоняются, конечно, интересно, однако это тема скорее сетевая, интернетная, хочется глобальных оценок: почему оно так, как есть, как жить — в таком роде. Наталья Иванова отвечает: «Главное изменение произошло в массовом отказе от «главного». От иерархии. Произошло покушение на вертикаль. Вертикаль, образно говоря, положили. Литературное пространство стало расширяться экстенсивно, как земледелие в России, прирастая новыми территориями... Условная Маринина могла теперь высокомерно поглядывать на условную Петрушевскую — с высоты своих

тиражей». И цитирует Льва Данилкина: «Культура больше не является неким классическим набором главных произведений. Культура — это твой персональный набор книг («Илиада» и «Одиссея» в этом наборе... необязательны)». Значит, все-таки, «условная Маринина» и «условная Петрушевская» действуют в одном литературном пространстве. Это как-то примиряет с действительностью. Ибо если пойти на поводу острого желания топором отделить одно от другого — издательские проекты от художественной прозы, неизбежно (ибо все равно все это продается в книжных магазинах, да и с точки зрения закона ничем не отличается) возникнет путаница, которая может завести бог знает куда. Прежде всего —

Новый Белкин.

М.: Время, 2011. — 672 с. (п) ISBN 978-5-9691-0642-0

к презрению к большей части читателей.

По замыслу в сборник входят повести писателей, вошедших в число финалистов, но не получив-

ших премии, публикуются также их «наградные речи». Этот своего рода утешительный приз получили Эргали Гер, Андрей Дмитриев, Илья Кочергин, Марина Палей, Ирина Поволоцкая, Игорь Фролови Маргарита Хемлин. В «Новом Белкине» можно найти критические эссе (не получившие в прошлом году номинацию «Станционный смотритель») Инны Булкиной, Льва Данилкина, Евгения Ермолина, Аллы Латыниной и Андрея Немзера. Предваряет тексты Тимур Кибиров: «Как долго, как мучительно, как страстно/Искали выразительные средства/Служители высоко-го искусства/Чтоб выразить точнее, глубже, ярче/Юдоли сей плачевной содержанье.../Выражали содержанье —/Да не выразили!..»

Рожденные в 60-е

Николай Денисов

В этой «поколенческой» антологии Литературный институт собрал прозаические произведения авторов, родившихся с 1 января 1960-го года по 1 января 1970-го на территории всей нашей необъятной родины. Конечно, и речи не идет о том, чтобы под одной обложкой собрать всех писателей, появившихся на свет в этот отрезок времени, для этого и десятка томов не хватит, но и «по крохам» можно определить тревожащие поколение шестидесятников темы. Это люди, сформировавшие свои взгляды в Советском Союзе, на глазах у которых затем обрушились все кумачовые идеологические завесы. Те, кому пришлось учиться жить в новой реальности суверенной демократии, прак-

тически не говорят о «бандитских» 90-х (разве что в рассказе Сергея Козлова «Участковый» присутствует «братва» — да и та знает свое место и даже помогает милиции). Для рожденных в 60-е это была прежде всего эпоха сильных потрясений и социальных изменений. В «Трансформации» Сергея Овчинникова простой рабочий кирпичного завода быстро становится преуспевающим бизнесменом, хозяином своей жизни и всего города. Правда, ему пришлось пойти на жертвы, но это мелочь... Тот же автор в другом рассказе («Солнышко») верит и в более оптимистичное развитие событий — главное, чтобы человек выработал в себе чувство порядочности, тогда даже школьнику зауважают и пьющий

Наше время: Антология современной литературы России / Сост. и предисловие Б.Лукина.

М.: Изд-во Литературного инст. им. А.М. Горького; Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, Литературный фонд «Дорога жизни», 2010. — 416 с.: 2000 экз. (о) ISBN 5-7060-0097-2, 5-85480-115-9

отчим, и олигарх-сосед. Интересен будет рассказ «Проездом» Сергея Бузмакова — история о жизни двух друзей, от студенческой скамьи до зрелого возраста, а через них — о судьбе всего поколения. Катастрофические изменения жизни выразил и Сергей Филатов в тонком звучании «Двух мелодий одного двора», где осень наступает не только за окном, но и в людском сознании.

Изменяется мир в «Таймене» Алексея Кривдова, и изменения касаются уклада не только традиционного, но и технологического. Однако самое интересное здесь не это, а описание рыбалки, которое неизбежно втягивает автора «в диалог» с Хемингуэем. Вообще, радует присутствие

в сборнике «деревенских рассказов». Это и вполне типичный, но давно забытый сюжет о тяготах жизни интеллигента, поэта-горожанина на селе, рассказанный Вячеславом Ар-Серги в «Чужом», и терзания о нынешнем состоянии деревни, а главное — об отношении сельчан к сложившейся ситуации («Село меняется к лучшему» Нины Обрезковой), и многое другое.

Дань памяти войне в Афганистане отдал Олег Ермаков, непосредственный участник этого военного конфликта, причём он показал, как фронт («Сон Рахматуллы»), так и тягостное ожидание солдат в тылу их близкими («Занесенный снегом дом»).

Кроме упомянутых произведений в сборник вошли

десятки других рассказов. Под одной обложкой собрались именитые авторы (Павел Крусанов, Алексей Варламов и т.д.) и практически неизвестные, члены Союза Писателей и «непартийные» одиночки; все они принадлежат к одному поколению, и сборник этот — о его тревогах.

Отдельное спасибо стоит сказать составителям за справочные материалы: здесь можно найти исчерпывающие биографические и библиографические сведения — хотя их объемы и структура неоднородны, но есть информация о каждом авторе сборника. А вот оглавление, составленное по алфавитному принципу, вызывает недоумение.

рецензии

переводы

Забавы музы Диалогины

Мария Мельникова

Кризис общения человеческого многогранен и многоголосен. Он звенит лопнувшей струной, вопит о том, как «бобэоби пелись губы», напряженно решает, что будет разумнее — повеситься или еще немного подождать Годо... А еще он любит странную еду, античные имена, бытовые нелепицы, и одно из самых завораживающих его лиц принадлежит Амели Нотомб. Сборник «Катилинарии. Пеплум. Топливо» — большое спасибо составителям — настоящий шедевр комбинаторики. Написанные в середине 1990-х пьеса и два прозаических текста превратились здесь в настоящий Триптих О Разговоре, познакомившись с которым, понимаешь: все-таки где-то древние греки недосмотрели и недоописали. Должна, должна существовать неистовая муза Диалогина, коей побавляется сам Аполлон, девица с темным челом, сверкающими очами и устами, что творят миры и с одинаковой легкостью извергают божественные истины и плотоядных чудищ. Никогда не знаешь, куда может завести беседа.

Если кто-нибудь когда-нибудь соберется составлять антологию необычных романов ужасов XX века, «Катилинарии» должны быть там обязательно. Это чудесный интеллигентский хоррор. Специалист по латыни и греческому Эмиль и его жена Жюльетта — божьи одуванчики, вот уже шестьдесят лет влюбленные друг в друга, как буколические пастух и пастушка, — переезжают в милую сельскую глушь наслаждаться тишиной и счаст-

Нотомб А.
Катилинарии: Роман; Пеплум: Роман; Топливо: Пьеса / Пер. с фр. Н.Хотинской, О.Чураковой.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2011. — 464 с. — (The Best of Иностранка).
10 000 экз. (n) ISBN 978-5-389-01899-0

ливой старостью. По всем законам жанра, их настигает чудовище. Огромное и мрачное, оно приходит каждый день ровно в четыре, садится в кресло, требует кофе и два часа с откровенно недовольным видом СИДИТ И МОЛЧИТ. Нет, сие не призрак и не тварь из иных миров, а всего лишь сосед-врач с диковинным именем Паламед и странными представлениями о вежливости. Скверный анекдот в духе чеховских рассказов — только Чехов смог бы над ним посмеяться и уберечь персонажей от жертв и разрушений. Герои Нотомб так просто не отделаются. Как вы думаете, насколько деструктивное воздействие на человеческое счастье способны производить два часа, ежедневно проводимые в вынужденной компании мистически непробиваемого и непрогоняемого — тупицы? садиста? философа, познавшего тщету слова? маньяка? — Чудовищно деструктивное, но это не важно.

Амели Нотомб

Потому что оскорбленный гуманитарный разум Эмиля уже задействовал все свои недюжинные ресурсы и принялся за судорожное разгадывание коммуникативного казуса Паламеда. И в нем уже начались ХИТРЫЕ ПРОЦЕССЫ. А когда тихие герои Амели Нотомб начинают мужественно осмысливать сбившую их с панталыку реальность, монстрам самое время бежать и прятаться. Паламед этого, увы, не сделал...

Итак, незадавшаяся беседа может привести к катастрофе. А задавшаяся? В один прекрасный день главная героиня «Пеплума», сумасбродная писательница А.Н., огорошила собеседника не пойми откуда пришедшей ей в голову гипотезой: а не могли ли ученые из будущего построить гибель Помпей, чтобы заполучить уникальный культурный памятник?

И на следующий день проснувшись в будущем. В крайне неприятном тоталитарно-глобалистском будущем, куда ее оперативно затащили, чтобы не болтала лишнего про Помпеи и не срывала серьезным людям научную деятельность. Положение удручающее: ни боевыми искусствами, ни тайными знаниями А.Н. не владеет, остается только изо всех сил изводить своего тюремщика, жреца/физика Цельсия, расспросами о XXVI веке, жалобами, претензиями и провокациями. На вопросы он отвечает такое, что лучше бы было этого никогда не знать, жалобы встречает феноменальным хамством, но А.Н. не сдается. Времени у них предостаточно, должно же хоть что-то на этого морального урода хоть как-то подействовать! И, кажется, у нее начинается получаться! И культурный шок теперь, кажется,

не у нее одной! Этот текст только притворяется прозой, по сути он — пресуровая пьеса, на 90% состоящая из длиннющего трагикомического диспута двух миров, представляемых двумя совершенно осатаневшими от всего происходящего людьми. «Пеплум» — уникальное произведение. Не каждый день, знаете ли, со страниц произведения конца XX века на тебя дышит живое очарование античного философского диалога. Научно-фантастический античный философский диалог с элементами откровенного сумасшествия и сюрреалистически счастливым концом — да, и такое бывает.

На «Топливе» же можно немного отдохнуть от этого идейного буйства и поудивляться тому, какой по-хорошему классической может при желании быть непредсказуемая Нотомб. Последнее произведе-

ние в сборнике — простая камерная драма о психологии человека в экстремальной ситуации и мучительном пути к честности. В некоей стране идет война и, похоже, что она уже проиграна. В холодной квартире готовятся к встрече с неизбежным Профессор, его аспирант Даниэль и девушка Даниэля Марина. Вся мебель уже пошла на распродажу, остались лишь книги, а до конца зимы еще далеко. В мирное время была игра «Какую книгу вы бы взяли с собой на необитаемый остров?», теперь обитатели квартиры в бурных дискуссиях решают, какую книгу они не будут бросать в печку и есть ли вообще смысл в такой книге. И чем меньше остается на сцене печатной продукции, тем больше нового действующие лица узнают о себе любимых и интеллектуальных-прогрессивных. Кончится все печально и для людей, и для книг — дискуссия ничто перед адским холодом снаружи тебя и перепуганным животным — внутри.

Любителям полезных изданий с названиями вроде «25 способов эффективного ведения переговоров» этот сборник читать не стоит — в мире Нотомб нет ни 25-ти способов, ни «волшебного слова», ни хоть сколько-нибудь внятного доказательства того, что разговор человека с человеком может что-то объяснить или спасти. Если и может, то только по счастливой случайности. Увы нам всем, разговор — это не больше чем безумно увлекательное и непредсказуемое занятие, которому мы никогда не устанем предаваться.

Лунный огород

Вера Бройде

Больше всего это похоже на фильм — фантастический, но не научно... Итак, Пиньоль заходит к вам в дом в полнолуние и приносит с собой мешок, в котором полным-полно диковинных овощей и фруктов, высыпает содержимое на стол и объясняет, как их готовить: «Одни странные овощи по форме напоминали перцы, но сверкали белизной; другие, похожие на сладкие помидоры, были размером с дыню. Попадались и виноград — ярко-желтый и без косточек. Его можно было варить и жарить. Морковины, росшие над землей, по вкусу как кабачок».

Честное слово, это не просто метафора: все именно так, с той маленькой поправкой, что вместо странных плодов — рассказы. После про-

чтения каждого из них вовсе не торопиться принимать за следующий, потому что говоришь себе: «Это надо как следует обдумать». Или: «Так вот о чем он говорил!» Или: «Что, черт возьми, он имел в виду? Неужели...» Пиньоль, вообще-то, — ученый-антрополог, а эта дисциплина, как известно, желает «познать другого». Поэтому глупо искать в книгах каталонца экстраполяцию автора: иногда он пишет про сумасшедших и загадочных существ, иногда — про обычных, но таких, с которыми приключилось что-то необычное. Чаще всего голова его повернута в сторону далекого: века, тысячелетия или какого-нибудь места, вроде африканской саванны. Он может говорить от имени

зурядного и ничтожного клерка-аквалангиста, который впервые ощутил себя хозяином своей жизни, когда оказался во чреве огромного и прекрасного кита. А может — от имени римского патриция Тита, который купил биографии своих несуществующих предков. Или, например, — от имени молодой полосатой зебры, которая на практике повторяла уроки выживания, данные ей мамой.

Пиньоль непредсказуем, как водитель маршрутки, и как он — тоже любит нарушать правила. Иногда, когда рассказ ведет один из героев, он отвлекается — как, знаете, отвлекался во время выступления одноклассник Холдена Колфилда из «Над пропа-

Пиньоль А.С.
Золотые века: Рассказы / Пер. с каталонского Н.Авровой-Раабен.

М.: Астрель, CORPUS, 2011. — 384 с.
3000 экз. (n) ISBN 978-5-271-34414-5

стью во ржи». Само собой, от этого его повествование только выигрывает. «Я объясняю вам все это про бабу-

лю только потому, — говорит мальчик, — что с самого начала обещал вам рассказать о ней. На самом деле мне хочется говорить о людях с Луны». Кто-то решит, что в этой книге делается множество всяких глупостей, а автор и не думает высказать собственное мнение: обходит свои угоды с ружьем через плечо, словно бы просто дышит свежим воздухом... Хотите посмеяться? — Так оно и есть. И главное доказательство величия «сумасшедшего ума» Пиньоля заключается в том, что он скрывает серьезное под видом смешного и смешное — под видом серьезного.

Даже в самых абсурдных или самых волшебных своих рассказах этот писатель умудряется сказать

нечто настолько простое и невероятное — одновременно, что хоть вы, допустим, человек смекалистый, но все равно бесконечно удивитесь. Открытия, которые можно совершить благодаря его историям, почти всегда неожиданны: вот что здорово! Ну, кто бы мог подумать, что фантастический рассказ о том, как люди, похожие на пятнистых жирафов с рождками на голове, которые, сидя в своих звездах, ежедневно падали на землю, — на самой последней странице превратится в маленькую и изящную аксиому: дети и старики отличаются от других людей — они способны вспомнить то, что остальные не могут или не хотят удерживать в памяти.

На фоне Пушкина

Владимир Марочкин

Я всегда мечтал о том, чтобы, идя московскими переулками, невзначай встретить Пушкина. Часто думал, что же я скажу ему при встрече? И я понимал, что если бы такое случилось, то сразу бы застенялся. Наверное, все, на что меня бы хватило, это — «Здравствуйте, Александр Сергеевич!» Он улыбнулся бы в ответ, слегка поклонился бы и тоже поздоровался — молодой, веселый, радующийся жизни и солнечному московскому деньку.

Но если бы такая возможность встретиться с Пушкиным существовала на самом деле, если бы машина времени вдруг стала доступна не только писателям-фантастам, но и простым землянам, то где и в каких временных пределах можно было бы повстречать Александра Сергеевича?

Замечательным путеводителем по причудливому лабиринту Пушкинской Москвы могла бы послужить новая книга Александра Васькина.

Разумеется, Пушкина можно было часто встретить на Арбате, тем более, что в 1826—1827 годах он жил тут неподалеку — в доме своего друга Сергея Собо-

левского на Собачьей площадке. К сожалению, и сам дом, и Собачья площадка давно уничтожены, поэтому искать встречи, пожалуй, лучше на Волхонке. Там с поэтом можно было невзначай столкнуться, когда он выходил из дома № 11, где жил известный московский живописец В. А. Тропинин. Именно там и тогда был написан знаменитый «домашний» портрет А. С. Пушкина, который поэт, возвращаясь в Петербург, подарил Соболевскому.

В 30-х годах XIX века, приезжая в Москву, Пушкин частенько навещался к своему другу Павлу Нащокину. Они подружились еще со времен лицейской юности. Павел Нащокин учился вместе с Левушкой, младшим братом Пушкина, и Александр часто заезжал в Лицей, но не столько чтобы навестить брата, сколько пообщаться с Нащокиным, которого он полюбил за живость и остроту характера. В 1830-е годы не было, наверное, у Пушкина друга ближе, чем Нащокин, которому он поверял и сердечные тайны, и финансовые проблемы. Когда Пушкин собрался

жениться на Н. Н. Гончаровой, то прежде всего обратился к Нащокину, чтобы узнать его мнение. Чтобы запечатлеть память о Пушкине, Нащокин заказал умельцам макет двухэтажного особняка, в котором он тогда жил. Все вещи в домике — стол, накрытый для обеда, стулья с плетеными сиденьями, диваны и кресла, картины на стенах, золоченые бронзовые люстры, свисающие с потолка, колода карт на ломберном столе — не просто игрушки или бутафория. Можно, например, выстрелить из пистолета длиной в 4,4 сантиметра, вскипятить воду в самоварчике, который легко удержать двумя пальцами, зажечь масляную лампу с круглым матовым абажуром величиной с грецкий орех. Пушкин, видевший это чудо, писал жене из Москвы: *«Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков»*. Нащокин собирался оставить эту игрушку в наследство Наталье Николаевне Пушкиной, но, разорившись, заложил Домик и выкупить его уже не смог. Домик путешествовал из одного антикварного магазина в другой,

пока его не выкупил художник С. А. Галяшкин. Сейчас Домик хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге. А тот дом, где жил Нащокин и бывал Пушкин, и сейчас стоит на углу Гагаринского и Нащокинского переулков. В 70-х годах XX века здесь располагался Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Сейчас в доме размещился маленький выставочный и концертный зал.

В мае 1836 года, во время своего последнего визита в Москву, поэт вновь остановился у Нащокина, который к тому времени переехал ближе к Тверской улице, в Воротниковский переулок, дом № 12. Здесь его ждала тихая домашняя жизнь, которую так ценил поэт: диван, трубка и бесконечные разговоры. Когда Пушкин собрался возвращаться в Петербург, то Павел Воинович, слово чувствуя недоброе, вручил другу кольцо с бирюзой, которое должно было уберечь его от насильственной смерти. Жена Нащокина вспоминала, что вечером трагического дня было у Павла Воиновича виде-

Васькин А. **«Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы.** М.: Спутник+, 2010. — 320 с.: ил. 1000 экз. (п) ISBN 978-5-9973-0599-4

ние: почудилось ему, будто слышит он шаги друга и знакомый голос. Вскочил, выбежал навстречу — никого. И тогда он вдруг почувствовал, что с Пушкиным приключилось что-то нехорошее. Узнав о смерти своего друга, Нащокин слез в постель и несколько дней провел в горячке, в бреду. *«Я тоже едва стояла на ногах. День и ночь у нас не гасили огни, — вспоминала Вера Александровна Нащокина. — Долго не мог простить Нащокин тех, кто был рядом с поэтом*

и не вмешался, не остановил, не отвел беду».

Сегодня в этом доме расположена Галерея «Дом Нащокина», в которой выставлялись Михаил Шемякин, Олег Целков, Эрнст Неизвестный, Дмитрий Плавинский и многие другие художники, чье творчество долгие годы не признавалось советским официальным искусством.

Подобных историй, посвящающих читателей в тайны Пушкинской Москвы, в книге превеликое множество. Но, к сожалению, новая книга А. Васькина имеет два обидных недостатка. Во-первых, непрофессиональная и торопливая верстка, которая заметно снижает художественный уровень книги. Во-вторых, неудачное название, которое отнюдь не заставляет читателя полезть в карман за деньгами. Все-таки мы привыкли к иному образу пушкинской Москвы: «Москва! Как много в этом звуке...» — поэтому фраза «Я не люблю московской жизни» кажется недоразумением, вырванным из контекста. Тем не менее, эта книга является бесценным сокровищем, так как делает Москву и ближе нам, и родней.

Понаехали тут...

Ирина Боченкова

Есть книги, которые сразу становятся библиографической редкостью. Один из примеров — «Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи», изданная к 1000-летию города Ярославля. Автор и составитель — Ярослав Евгеньевич Смирнов — на роль главного исторического героя своей книги избрал неподдающегося, делового смекалистого, речистого, добродушно лукавого, никогда не унывающего *«расторопного ярославского мужика»*. В первой части исследования автор размышляет о природе и особенностях *«ярославского народца»*, во второй — приводит занимательные тексты лубочных книжек о ярославцах, а в третьей — свидетельства современников и очерки XIX — первой половины XX века.

Как водится в добротной научной монографии — более 50-ти страниц текста посвящено примечаниям и комментариям с подробной библиографической и источниковедческой информацией. В книге много оригинальных иллюстраций — фото, гравюры, репродукции.

И неожиданный подарок читателям — цветная вклейка со «сценами из народной жизни». В марте этого года «Жизнь и приключения ярославцев...» была удостоена диплома в номинации «Увлекательное краеведение» VII Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина», проходившего в рамках XIV Национальной выставки-ярмарки «Книги России». А в апреле общественное жюри конкурса «Ярославская книга—2010» присудило Ярославу Смирнову приз и диплом первой степени.

Несмотря на игривое название, перед нами — серьезное исследование в духе «Новой исторической науки» Л. Февра, М. Блока и Ф. Броделя. Благодаря их трудам появилось такое понятие, как «история повседневности». Повседневность — одна из нитей узора истории, ткань которой соткана также из демографических, производственно-технических, экономических, финансовых, политических, культурных и других процессов. Направляя объемы в повседневность, мы видим «мелочи истории»

Смирнов Я. **Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи.** СПб: Азбука, 2010. — 416 с.: ил. Тираж не указан. (п) ISBN 978-5-389-01143-4

при многократном увеличении: что подавали в позапрошлом веке в московских трактирах половые — ярославцы, каким «манером» разговаривали они с клиентами и меж собой, во что наряжались шеголи, вчерашние крестьяне, стараясь соответствовать столичной моде, какие книги читали, какой товар разносили ярославские корабейники скачущим московским дачникам. Реконструкция быта, жизненного уклада — не только в материальном проявлении — позволяет

если не понять, то приблизиться к пониманию менталитета русского типажа — *«ярославского расторопного мужика»*, проявившего себя ярко и деятельно, а главное — разносторонне.

Повседневность в книге Я. Е. Смирнова рассматривается как *контекст* жизни людей отдельно взятой Ярославской губернии в период XIX — начала XX века, а если смотреть шире — как *макроконтекст* истории России в целом, поскольку миграционная активность ярославских крестьян-отходников начиная с XVIII века была необычайно высокой. Известно, что земля ярославская *«иногда не мать родная, а хуже мачехи, не дает никаких угодьев»*. А коли нет работы — надо искать на чужой стороне. События поиском «лучшей доли», с одной холстинной котомкою отправлялись ярославские крестьяне на промысел. Направление отхода — в первую очередь столицы — Санкт-Петербург и Москва. *«Огородники, каменщики, штукатуры, печники, разносчики всякой всячины по городам и селам, содержатели и служители трактиров, питей-*

ных сборов, лавочек, портерных, сидельцы и приказчики, большей частью в лавках купеческих, артельщики биржевые и проч. — повсюду крестьяне ярославские».

Смирновская, елисеевская, грачевская империи начинались с лотка, скромной торговой палатки. Нонетолькополовыхда торговцев «поставляла» в столицы Ярославская земля. Книгопродавцы-издатели и букинисты в Питере и Москве тоже нередко были «из ярославских». Всемирно известный цирковой артист, канатоходец Федор Молодцов, удивлявший публику бесстрашием, умер, всеми забытый, в 1918 году в родной угличской деревеньке. А ведь когда-то почтенная публика замарала, глядя на «аттракцион» — переход по канату через Темзу в Лондоне, или через водопад Иматру!

Встречались среди крестьян, отправляющихся «в отход», истинные самоходки — поэты (Суриков, Слепушкин), исполнители (Иван Молчанов); известный скульптор и академик А. М. Опекушин — из крестьян Даниловского уезда, художник и академик Ф. Г. Солнцев — кре-

постной, из крепостных «выбился в люди» и химик-самоучка Семен Власов. Среди тех ярославцев, что «понаехали» в XIX веке, можно и нужно назвать Якова Васильевича Шукина (1856—1926), создателя и владельца знаменитого московского сада «Эрмитаж». Будущий театральный деятель родился в деревеньке Вяльково близ села Заозерье Угличского уезда Ярославской губернии. Знаменитые шукинские фонари с изысканным вензелем «ЯЩ» по сей день украшают дорожки сада «Эрмитаж».

О предприимчивом ярославце, а также о других известных и менее известных его земляках можно прочесть в книге Ярослава Смирнова. Шутливые сцены из рассказов и очерков о ярославцах, которые бережно и внимательно собрал и прокомментировал составитель, так и просятся на театральные подмостки. Будь историк, или просто любитель почитать хорошую историческую литературу — вам невероятно повезет, если в руки попадется книга «Жизнь и приключения ярославцев...»

рецензии

Восток

Невыдуманный герой

Анастасия Першкина

Жизнь американца в Пакистане литературы и кино, согласуясь со своими внутренними законами, смогли бы преобразовать разве что в книгу приключений или боевик. Читатель и зритель более-менее адекватно восприняли бы вынесенную на их суд банальшину — и радостно забыли бы о ней. Но если одно из названных искусств соорудит историю об американском альпинисте, который случайно попал в пакистанскую деревню, увидел ее бедность и решил помочь, построив мост и школу, — читатель и зритель смутятся. Что-то не похоже на правду. А если добавить подробностей — что работает этот альпинист санитаром в больнице, живет в общежитии

Мортенсон Г., Релин Д.О.
Три чашки чая / Пер. с англ. Т.Новиковой.

М.: Эксмо, 2011. — 624 с. 16 000 экз.
ISBN 978-5-699-43672-9

и экономит каждый цент, чтобы собрать более-менее крупную сумму и с нею вер-

нуться как можно скорее в Пакистан, где его ждут, — читатель и зритель вознегодуют. Выдумка — скажут они. Так не бывает — добавляют чуть погодя. Размечтались — подытожат расстроено. И потому замечательно, что Грег Мортенсон и его история — совсем не выдумка, и с этим материалом работает не искусство, а жизнь, или, по крайней мере, мемуаристика.

Грег Мортенсон действительно был альпинистом. В 1992 году ему не удалось штурм пика К2 горной гряды Каракорум. Спускаясь с гор, он случайно забрел в необозначенную на карте деревню Корфе и познакомился с местными жителями. Он увидел, что деревня отрезана от мира

ушельем с бурной горной рекой, над которым проходит только канатная дорога. Он узнал, что в деревне нет школы, учитель изредка заезжает в Корфе — и тогда уроки проходят под открытым небом на холодных камнях. Он познакомился со старейшиной деревни, который не умел читать, знал Коран только из пересказов грамотных и потому мечтал о том, чтобы его внуки и правнуки могли сами познакомиться с великой книгой. И тогда Мортенсон дал себе слово во что бы то ни стало помочь им всем. Его обманывали пакистанцы, его захватывали в плен моджахеды, он чувствовал себя неловко на встречах с меценатами, его бросали женщины. Но он

никогда не изменял своему слову. Это невероятная по своей искренности и чистоте история человека, который не пытается быть или казаться героем. Он просто делает мир лучше.

Когда читаешь о Мортенсоне, постоянно приходится напоминать себе, что он американец и работал он в Пакистане. Неправдоподобно благостными кажутся его отношения с местными жителями, и невероятно мирным — сосуществование двух культур.

Мортенсона уже дважды номинировали на Нобелевскую премию мира. Без подробных сведений о том, что сделали и делают его конкуренты, немного неловко выносить однозначные реше-

ния. Но каждый читатель, познакомявшийся с этой книгой, будет уверен, что Мортенсон премии достоин и должен ее в итоге получить.

А «Три чашки чая» — основа пакистанской философии. Она описывает и неспешный ритм жизни этой страны, запрет за что либо братья, пока не завершится нехитрая чайная церемония. Она описывает и отношения с иноземцами. После первой чашки — ты чужак. Если тебе налили вторую — ты уже почетный гость. Если предложили третью — ты родственник и ради тебя можно пожертвовать многим, даже умереть. Грег Мортенсон — один из немногих иностранцев, кому довелось выпить все три.

Срочно нужно чудо

Екатерина Зимарина

Ковер-самолет до Багдада — это в какой-то мере автобиографическое произведение журналистки Халы Джабер. Она родилась и выросла в мусульманской стране, ее семья живет в Ливане, она видела гражданскую войну и разрушенный Бейрут. При этом образование она получала в Англии, замужем за англичанином и уже много лет живет в Великобритании... В общем, можно сказать, что ей близки как восточные, так и западные традиции. Само повествование охватывает период американского вторжения в Ирак. Хала с мужем, фотокорреспондентом, приезжают в Багдад перед началом войны по заданию их газеты. Они твердо намерены остаться даже после нача-

ла бомбардировок — если, конечно, те начнутся.

Бомбардировки начались. И через некоторое время Хала получает задание — найти раненого ребенка для статьи и фотосессии. И чем страшнее будет его история, тем лучше. Для Халы это не просто трудное задание. Оно для нее почти непосильно. После замужества выяснилось, что у нее не может быть собственных детей. Для женщины не иметь детей всегда тяжело. Для женщины, воспитанной в мусульманских традициях, это еще тяжелее: бесконечно острая боль.

Халу корежит от одной мысли отбраковывать, как на кастинге, страдающих, искалеченных детей, выби-

рая, кто из них станет известен и, вероятно, быстрее получит помощь. При этом она также понимает, что задание нужно выполнить, поскольку этой статьей открывается сбор денег для помощи пострадавшим в войне детям. И чем страшнее будет история, тем больше денег смогут выжать из благотворителей в Европе.

И начинается обход багдадских больниц. Под все еще падающими бомбами, со скорыми, привозящими людей десятками и сотнями. Начинается мучительнейший обход детей — от нескольких недель до 12–13 лет, — у которых оторваны конечности, обгорели тела... Детей, которые разом потеря-

Джабер Х.
Ковер-самолет до Багдада / Пер. с англ. О.Чураковой.
М.: Колибри, 2011. — 400 с. 5000 экз. (п)
ISBN 978-5-389-01449-7

ли родителей, братьев, сестер и прочих родственников. Поход по больницам,

в которых нет самых нужных препаратов, нет условий для оказания помощи такому количеству раненых и обожженных. По больницам, где врачи ходят по коридорам с оружием, чтобы защищать пациентов от банд мародеров, бесчинствующих в городе.

Все это Хала пропускает через себя, воспринимая боль каждого — как свою. Какую ей, столько лет мечтавшей о ребенке, видеть осиротевших и искалеченных малышей? Она постоянно спрашивает Аллаха: за что? За что он дал этим крохам жизнь, если теперь обрекает их на подобные страдания?

Она найдет тех, кто станет лицом компании по сбору средств. И найдет двух осиро-

тевших девочек, которых всей душой захочет удочерить.

Хала и ее муж работали в Ираке несколько лет — бывая в таких местах, откуда не всякий мог бы вернуться живым. И каждый раз Хала видела трагедии женщин, теряющих свои семьи, и боль детей, попавших под обстрел или оказавшихся в зоне взрыва.

Журналистские будни, размышления о смысле профессии, новые друзья, новые потери... Есть книги, которые читать тяжело. Есть те, которые затрагивают душу. Эта книга относится к тем, над которыми рыдаешь и продолжаешь читать — в надежде, что в конце концов все будет хорошо. Хотя в реальной жизни редко все бывает хорошо...

Сказка на ночь

Екатерина Седых

Эту книгу нужно читать, не зная ничего о том, что происходило в Ираке в последние годы. Иначе откровения женщины, которая утверждает, что тридцать пять лет была любовницей Саддама, не просто вызывают раздражение. Временами вызывают бешенство. Если читатели в курсе того, что случается в большом городе, подвергшемся бомбардировкам, вряд ли у них достанет снисхождения, чтобы спокойно воспринимать пассажи вроде: «Ах, как много мы потеряли! Все персидские ковры! Драгоценности! Ах, конечно, много людей погибло, да. Но наш элитный конный клуб! Ах, от него ничего не осталось. Такая трагедия...» Действительно. Подумаешь, там семьи гибли целиком. Мелочи какие. Элите об этом

думать не пристало. У них свои ценности.

В остальном история выглядит несколько приукрашенной. То есть, теоретически, можно поверить в возможность того, что Саддам тридцать пять лет считал автора своей собственностью, наряду с четырьмя женами и неизвестным количеством иных любовниц. Вплоть до того, что мешал ей уехать из страны и развел с мужем против желания их обоих. Но... Всегда ведь есть но, правда? Но ведь теперь Саддама нет, его сыновей, о которых пишет Парисула, — тоже. Никто теперь не подтвердит и не опровергнет ее рассказ. А она рассказывает именно то, что хочет услышать читатель на Западе.

Как в любом автобиографическом произведении, главная

героиня, она же — автор, всегда поступает строго правильно. А если и делает что-то не так, то исключительно под влиянием непреодолимых внешних обстоятельств. Она никак не может решить на протяжении всей книги, что же держало ее рядом с Хусейном: страх, вожделение или любовь. Она назначает причиной то одно, то другое. Но при этом все три причины настолько вески, что уйти от него и уехать из страны она не могла ни в коем случае. Даже когда ее муж и свекровь уехали в Ливан.

Особенно забавно смотрятся заявления «я никогда не брала у него денег и сама себя содержала», стоящие буквально на одной странице с признанием, что это Саддам обеспечил ей непилную работу с хорошей зарплатой.

Если же принять на веру пассажи о покупке домов, наличие прислуги и воспоминания: «Когда у дочерей были вечеринки, я просто посылала в бутик, и мне привозили самые шикарные наряды, двести—триста гостей — это было обычно...» — как-то перестаешь верить в «я сама себя содержала». Даже если работать помощником главы Олимпийского комитета в Багдаде — при том, что в Ираке Олимпийских игр не проводилось и занимался комитет, максимум, подготовкой выездов своих спортсменов.

Хусейна и его сыновей Парисула расписывает такими монстрами, что временами удивляешься, как под ними земля не разверзлась. Конечно, они не были ангелами, только без крыльев, но поне-

воле задумываешься: насколько заказным получился этот портрет «семейки Адамс»?

Кроме того, автор якобы скрывается под другим именем, находится под защитой спецслужб, поскольку жизни ее до сих пор угрожает опасность. Но при этом две ее дочери живут с мужьями в Европе, а сын, которого она, как утверждает, родила от Саддама, содержит небольшой ресторанчик в Греции... Видимо, дети Парисулы никакого интереса для сторонников и противников Саддама не представляют. А вот саму ее от этих сторонников и противников — тщательно скрывают.

В общем и целом, в книге слишком много самолюбования, самооправданий и явно-го стремления соответствовать ожиданиям западного чита-

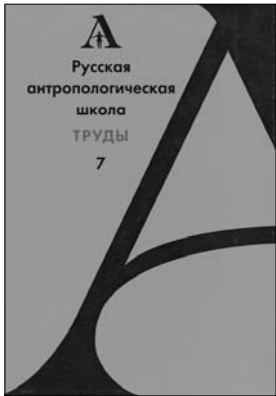

Лампсос П., Сванберг Л.К.
Я женщина Саддама / Пер. со швед. Е.Хохловой.
М.: РИПОЛ классик, 2011. — 400 с.
3000 экз. (п). ISBN 978-5-386-02683-7

теля — и слишком мало подтвержденных фактов, чтобы воспринимать ее всерьез. Просто сказка на ночь.

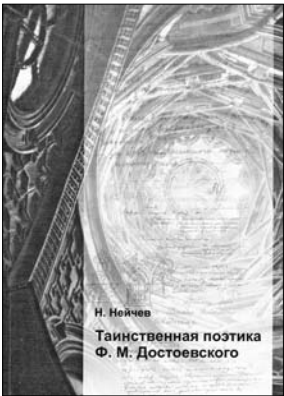
①

②

③

④

⑤

⑥

1

Разнообразие тем

Труды «Русской антропологической школы». Вып. 7. М.: РГУ, 2010. – 442 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1160-3

Новый том известного издания, выходящего под водительством Вячеслава Всеволодовича Иванова, ценен, как и все предыдущие выпуски. Темой сборника оказывается советская культура в самых различных ее аспектах. Среди материалов номера — исследование А. Матусовского о рецепции антропологического опыта южноамериканских индейцев в советской и российской этнографии, работа Н. Полтавцевой о роли Андрея Платонова в культуре минувшего века, материалы Л. Бруслиловской о спорах «физиков» и «лириков» в «оттепельные» времена; статья И. Кондакова о трагическом начале в музыке советских композиторов (впрочем, готовы ли мы назвать Прокофьева, Шостаковича, Шнитке советскими в полном смысле слова?).

2

Кодификация смыслов

Строганов М., Трифаженкова И. Словарь филологических терминов В. Г. Белинского. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – 444 с. 100 экз. (о) ISBN 978-5-7609-0613-7

Довольно много выходит исследований, связанных с авторским научным аппаратом крупнейших филологов минувшего века. Язык формалистов и язык Бахтина, к примеру, различны, и, следовательно, чтобы понимать те смыслы, которые

эти ученые приносили в науку о словесности, необходимо прояснить, какими, собственно, понятиями оперировали те или иные исследователи. Тверские исследователи предприняли труд еще более экзотичный, но необходимый: привели в словарный порядок понятия, использовавшиеся отцом русской критики Виссарионом Белинским. Быть может, «филологические термины» — в данном случае звучит слишком громко: вряд ли мы готовы так аттестовать многие применявшиеся Белинским понятия. Но сам опыт кодификации смыслов весьма ценен.

3

Писатель в свете ортодоксии

Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского/Пер. с болг. Т. Нейчевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 316 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-7996-0561-2

Внимание иностранных славистов — да и вообще гуманитариев — к творчеству Достоевского общеизвестно и при этом вполне объяснимо: именно Федор Михайлович (а, увы, не Пушкин) олицетворяет в глазах иных культур самобытность культуры отечественной. Но вот болгарский исследователь Николай Нейчев предлагает концептуальную схему рассмотрения главных романов Достоевского как своего рода модель литургии, разрешая ряд важнейших вопросов: «... это проблема отражения догматической ортодоксии в личности и творчестве писателя и того, как это отражение находит себе художественное воплощение». Подход этот, конечно, волюнтаристичен: идеология писателя вовсе не обязательно подчиняет себе его художественное мышление, — но, по крайней мере, небезынтересен.

4

Проблема «чужого»

Копелев Д. На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2010. – 338 с. – (Территория истории. Вып. 3). 1000 экз. (о) ISBN 978-5-94380-096-2

Интересно изучать те аспекты отечественной истории, которые обыкновенно вымываются из нашего сознания, из условной и прямолинейной картинки прошедшей истории отечества. Дмитрий Копелев исследует маргинальную, на первый взгляд, тему: немецкий этнос на службе российского флота.

Исследование это носит отнюдь не только исторический, но и социологический, и даже антропологический характер: проблема «чужого», пришлого, самоощущение — и ощущение этого «чужого» со стороны «нас» оказываются весьма важными для понимания всей социальной структуры того общества, которое нам в утопических мечтаниях может казаться цельным.

5

Вглядеться в автора

Фатов Н. Молодые годы Леонида Андреева/Пред. и подг. текста О. В. Волгиной. Орел: Издатель А. Воробьев, 2010. – 272 с. 300 экз. (п) ISBN 978-5-91468-059-3

О Леониде Андрееве, что ни говори, одним из крупнейших русских писателей рубежа позапрошлого и прошлого веков, написа-

но не так много, как стоило бы. Виновно в том и межеумочное положение, которое Андреев занимал всегда в глазах критиков и литературоведов: реалист ли, символист ли... Виновны и скомканное окончание земной жизни, и сама репутация автора поверхностного, внешне-эффектного.

Меж тем, стоит приглядеться внимательнее к этому писателю. Переиздание книги Николая Николаевича Фатова (1887–1961), впервые вышедшей в 1924-м, довольно поверхностной, но важной для понимания того, как современники читали этого странного писателя, — поможет вдумчивей взглянуть в наследие и судьбу Леонида Андреева.

6

Посвящение поэту

А я вам - про Ерему: Сборник стихотворений к шестидесятилетию А. В. Еременко/Сост. В. Лобанов. М.: Воймега, 2010. – 84 с. 250 экз. (о) ISBN 5-7640-0109-9

Александр Еременко — любовно называемый друзьями «Ерема» — один из немногих подлинно культовых поэтов современности. Он может не писать, не появляться, но все знают, кто он, и это знание весьма важно для понимания всей той поэзии, что существовала в восьмидесятые—девяностые XX века. Поэту шестьдесят лет. Стараниями Валерия Лобанова, к юбилею Еременко вышел сборник стихов, ему посвященных, парафразов и пародий... Среди авторов книги: Юрий Арабов, Евгений Бунимович, Евгений Даснин, Владимир Друк, Иван Жданов, Игорь Жуков, Игорь Иртеньев, Герман Лукомников, Марк Шатуновский, Татьяна Щербина. Увы, некоторых уже нет среди нас: Нины Искренко, Русланы Элининой...

Автор рецензий — Данила Давыдов

Анна Алиева

В паутине взросления

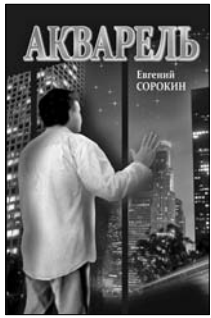

Опатошу И. В польских лесах: Роман / Пер. с идиша Н. Нусинова. М.: Книжники, Текст, 2011. – 448 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9953-0032-8, 978-5-7516-0833-0

Роман «В польских лесах» Иосифа Опатошу, написанный почти столетие назад, рассказывает о событиях и умонастроениях в среде еврейской общины Польши в середине XIX века. Цадик Иче, «духовный наставник» юного Мордхе — всеми почитаемый живой пример самоотверженного служения Богу. И юноша, подобно учителю, хочет быть чистым перед Богом, но молодая кровь не дает устоять перед соблазном провести еще одну ночь с соседской девушкой Ревкеле. Взрослея, Мордхе понимает, что хасидизм вырождается. Люди все больше грешат, но продолжают слепо чтить Ребе, ожидая пришествия Мессии. Юношеские искания смысла жизни переплетаются с осмыслением иудейских догм, и герою, окончательно запутавшемуся в этой паутине взросления, ничего не остается, кроме скитаний по свету.

Павел Песоцкий

Житель пентхауса

Сорокин Е. Акваель: Роман. М.: Голос-Пресс, 2010. – 356 с. 1000 экз. (п) ISBN 978-5-7117-0215-3

Тяготение большинства современных российских авторов к тем или иным литературным жанровым формулам — еще не конец игры. Вольный полет, «фристайл» — по Евгению Сорокину — вполне возможен и в ряде случаев даже оправдан. «Акваель». Живопись — лишь фон, на котором мечется, «крутеет» и тут же легко расстается с благами главный герой Вадим. Бьется в экстазе, успокаивается, размышляет, рушит свой мир и снова его создает. И так — несколько раз. Где же аристотелевский финальный «катарсис»? Где возмездие, карающее зарвавшегося героя? Их нет. Маятник раскачивается в обе стороны. Пройдя сквозь череду взлетов и падений, Вадим в итоге обретает одиночество. И утешение в детях. Своих и чужих. Только дети могут заставить нас «задохнуться от нежности», только в них мы можем увидеть тот идеал, от коего бесконечно далеки сами, — именно эта авторская мысль раз за разом читается между строк.

подписка-2011

Журнал поэзии «Арион»

Единственный в России «толстый» поэтический журнал, 18-й год издания (основан в 1994 г.)

Весь спектр современной русской поэзии; поэтическая критика; эссе; литературные портреты; архивные материалы; рецензии; переводы; черно-белая графика

Подписка по «зеленому» каталогу «Пресса России»
Наш индекс — 73117

Журнал выходит в марте, июне, октябре и декабре

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

По вопросам размещения рекламы в изданиях ИД «Книжное обозрение»

книжное обозрение
обращайтесь

по тел. (495) 955-79-70
e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

Издательство «Книжный клуб 36.6» разыскивает право наследников Евгении Ивановны Кийко и Галины Васильевны Степановой — специалистов по творчеству Ф.М.Достоевского, в прошлом сотрудников Пушкинского Дома.
Тел.: (495) 795-01-46.

В связи с выходом в свет в нашем издательстве сборников *«Вопрошайки и считалки»* и *«Новогодние чудеса»*, мы настоятельно просим откликнуться следующих авторов или их наследников:

Найденова Н.
Демьянов И.
Шибаев А.

Просим обращаться по тел. (495) 742-43-51, (495) 742-43-54 — к менеджеру по авторским правам Шерстяных Тамаре.

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ,
СОВЕТ ПО ДЕТСКОЙ КНИГЕ РОССИИ

при поддержке
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ
РОССИЙСКОГО АВТОРСКОГО ОБЩЕСТВА

СЕГОДНЯ — ДЕТИ, ЗАВТРА — НАРОД

С.Михалков

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА НА ЛУЧШЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

В КОНКУРСЕ УЧАСТВУЮТ
РУКОПИСИ АВТОРОВ РОССИИ,
СТРАН БЛИЖНЕГО
И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ.
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, В ПРОЗЕ И СТИХАХ,
РАНЕЕ НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ

Контакты: (495) 739 2065 (доб. 117, 118, 119)
www.svmihalkov.ru

ПАРТНЕРЫ МСПС

**ООО «Студия «4+4» для выпуска книги
«Алиса в Зазеркалье» разыскивает**
переводчика Владимира Эммануиловича Орла или его право наследников. Просьба связаться по телефону
+7 (495) 229-1443
или по e-мэйл **studio@4and4.ru.**

www.knigoboz.ru

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80
«Гиперион-БУК» ст. м. «Римская»,
«Площадь Ильича», ул. Рабочая, 38.
Тел.: +7 916 613 42 86

«Джаббервоки» ул. Покровка,
47/24,
стр. 1. Тел.: (495) 917-59-44
«Додо» Рождественский
бульвар, д.10/7. Тел.: (495) 628-67-38

Книжная лавка при Литинституте
им. А.М.Горького ст. м. «Тверская»,
Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98

Книжная лавка ВГБИЛ
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
«Китай-город», ул. Никольямская, 1,
центральный вход. Тел.: 915-31-00
«Книжный при музее» («Циолковский»)
ст. м. «Лубянка», Новая площадь, 3/4,
Политехнический музей, подъезд 7Д.
Тел. 628-64-42

«Молодая гвардия» ст. м. «Полянка»,
ул. Б. Полянка, 28. Тел.: 238-50-01
Московский Дом книги
ст. м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, 8.
Тел.: 203-82-42, 203-75-60
«Москва» ст. м. «Пушкинская»,

«Тверская», ул. Тверская, 8.
Тел. 629-64-83

«Книжница»
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. 915-27-97

«Фаланстер» ст. м. «Пушкинская»,
Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. 749-57-21

В Санкт-Петербурге:

ООО «Санкт-Петербургский Дом книги»
Невский просп., 28.
Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры
«Дворец культуры им. Крупской»
Проспект Обуховской обороны, 105.
Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

«Мир книг»
ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98
«Книга-маркет» ул. Улан-Баторская, 2.
Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга»
ул. К. Маркса, 12. Тел. (3952) 201-911
«ПродалиТЬ» ул. Байкальская, 172.
Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродалиТЬ»
ул. Партизанская, 1.
Тел. (3952) 20-66-07

«ПродалиТЬ»
Советский пер., 1.
Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск: «Ангарский ПродалиТЬ»
ул. Ленина, 30. Тел. (3951) 52-82-69

г. Братск: «Братская книга»
ул. Крупской, 27.
Тел. (3953) 42-85-06

г. Улан-Удэ: «Книжный ряд»
ул. Шумяцкого, 3а.
Тел. (3012) 42-06-83

г. Шелехов: «Шелеховский ПродалиТЬ»
5-й квартал, 23а. Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»:
ул. Большая Покровская, 46.
Тел. (831) 4-340-305

ул. Большая Покровская, 46.
2-й этаж — Литературное кафе

«Библиотека»
Тел. (831) 433-89-34

ул. Белинского, 118.
Тел. (831) 278-78-47

ул. Щербаковская, 2.
Тел. (831) 270-45-66

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»
Магистр-Чехова
ул. Чехова, 31.

Тел. (863) 263-53-31
Магистр-Универсальный
ул. Б. Садовая, 67.
Тел. (863) 299-98-96
Магистр-Журавлева
пер. Журавлева, 48/144.
Тел. (863) 263-40-98

Магистр-Северный
ул. Королева, 22/30.
Тел. (863) 248-63-87

В Таганроге:

Магистр-Таганрог
ул. Петровская, 42. Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:

Магистр-Волгодонск
ул. 30-летия Победы, 9.
Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь
ул. Голенева, 49.
Тел. (8652) 26-62-95

В Молдове:

"Liga Preser"
Chisinau. bd. Stefan cel 196.
Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus:

Рига, ул. Езусбазницас, 7а.
Тел. магазина (+371) 722-17-78, 722-17-76
Тел. оптового склада
(+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга»

г. Киев, ул. М. Берлинского, 9.
Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

«Русские книги» Кантштрассе 84 10627.
Тел. 030/323-48-15
Русский дом науки и культуры
«Русские книги»
Фридрихштрассе 176-179 10117.
Тел. 030/200-76-164

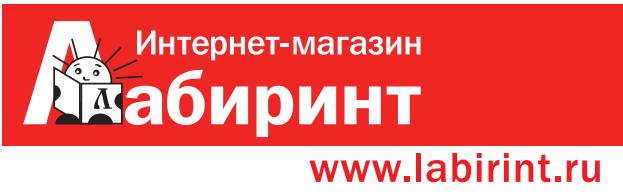

бестселлеры

Рейтинги продаж интернет-магазинов

место	автор, название, издательство
1	Пьер Дюкан. Я не умею худеть. М.: Эксмо, 2011.
2	Адель Фабер, Элейн Мазлиш. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. М.: Эксмо, 2010.
3	Стивен Р. Кови. 7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишерз, 2010.
4	Масару Ибука. После трех уже поздно. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
5	Ричард Темплар. Правила родителей. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
6	Грег Мортенсон, Дэвид Оливер Релин. Три чашки чая. М.: Эксмо, 2011.
7	Грегори Дэвид Робертс. Шантарам. СПб.: Азбука, 2011.
8	Захар Прилепин. Грех и другие рассказы. М.: Астрель, 2011.
9	Алексей Ковальков. Методика доктора Ковалькова. Победа над весом. М.: Эксмо, 2011.
10	Мартин Ингвар, Гунилла Эльд. Контроль мозга над весом. Научный подход к похудению. М.: Эксмо, 2011.

место	автор, название, издательство
1	Годовая подшивка журнала «Трамвай», 1990 год. М.: Самиздал, 2011.
2	Рони Орен. Секреты пластилина. М.: Махаон, 2011.
3	Андрей Усачев. Малуса и Рогопед. СПб.: Азбука, 2011.
4	Рони Орен. Секреты пластилина. Динозавры. М.: Махаон, 2011.
5	Леонид Яхнин. Площадь картонных часов. М.: Махаон, 2011.
6	Кеннет Грэм. Ветер в ивах: Сказочная повесть. М.: Махаон, 2011.
7	Людмила Петрановская. Что делать, если... М.: Аванта+, 2011.
8	Сузанна Ротраут Бернер. Летняя книга. М.: Самокат, 2011.
9	Анастасия Парфенова. Ярко-алое. М.: Альфа-книга, 2011.
10	Андрей Белянин. Колдун на завтрак. М.: Альфа-книга, 2011.

Спрос на сброс

Попадание на первое место рейтинга бестселлеров «КО» «Черной обезьяны» Захара Прилепина, кажется, навсегда может поставить жирную точку в бесконечных спорах о том, влияет ли присуждение автору той или иной литературной премии на продажи его книг. Влияет, господа издатели и книготорговцы, еще как влияет. Собственно, премию «Супер Нацбест» Прилепин получил вовсе не за «Черную обезьяну», а совсем за другое свое произведение — «Грех», — которое дебютирует на третьей позиции категории художественных книг в переплете.

Габриэль Гарсиа Маркес и Людмила Улицкая поменялись местами, причем Улицкая вернулась в тройку лидеров. Нельзя не отметить сразу три новинки этой недели — «Колдун на завтрак» Андрея Белянина, «Всякий капитан — примадонна» Дмитрия Липскерова и «Небесный остров» Анны и Сергея Литвиновых.

В категории художественных книг в обложке тон задают литературные проекты издательств «Популярная Литература» и «АСТ» «Этногенез» и «Метро 2033». Слегка разбавляют это однообразие обложечные детективы и беллетристика, спрос на которые традиционно очень высок в период отпусков.

Именно горячий летний период подстегнул интерес к книге «Я не умею худеть» популярного французского диетолога Пьера Дюкана. Привлекает само название книги, да и надо же привести себя в форму перед пляжным сезоном! А лишние 3—5 кг можно легко обнаружить практически у каждого жителя нашей необъятной Родины...

В тройку лидеров категории нехудожественных книг в переплете наконец-то ворвался японский инженер и предприниматель, один из основателей корпорации «Sony» Масару Ибука. Жанне Агалаковой ничего не оставалось, как переместиться строчкой ниже. Одна из новинок этой недели — «Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия» Маши Гессен. О Перельмане, недавно отметившем свое 45-летие, говорили практически все центральные СМИ. Личность и в самом деле незаурядная. Книжка председателя Движения автомобилистов России Виктора Похмелкина стартует с седьмой позиции, но шансы задержаться в рейтинге и подняться выше у нее определено есть, тем более что летом автолюбителей поджидают очередные «сюрпризы» в виде ремонта популярных дачных направлений и ужесточение штрафов за нарушение ПДД.

Людмила Шибанова

Fiction

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1 (8/2)	Захар Прилепин. Черная обезьяна. М.: АСТ, Астрель, 2011
2 (4/11)	Людмила Улицкая. Зеленый шатер. М.: Эксмо, 2011.
3 (-/1)	Захар Прилепин. Грех и другие рассказы. М.: АСТ, Астрель, 2010.
4 (2/5)	Габриэль Гарсиа Маркес. Сто лет одиночества. М.: АСТ, Астрель, 2011.
5 (-/1)	Андрей Белянин. Колдун на завтрак. М.: Альфа-книга, 2011.
6 (-/1)	Анна и Сергей Литвиновы. Небесный остров. М.: Эксмо, 2011.
7 (-/1)	Дмитрий Липскеров. Всякий капитан — примадонна. М.: АСТ, Астрель, 2011.
8 (8/5)	Грег Мортенсон, Дэвид Оливер Релин. Три чашки чая. М.: Эксмо, 2011.
9 (5/3)	Ник Перумов. Имя Зверя: Т.2. М.: Эксмо, 2011.
10 (3/2)	Сергей Тармашев. Ареал. Обреченные. М.: АСТ, Астрель, 2011.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1 (-/1)	Александр Чубарьян. Хакеры. Basic. М.: Этногенез, 2011.
2 (1/5)	Анна-Лена Лаурен. У них что-то с головой, у этих русских. М.: Флюид, 2010.
3 (6/3)	Кирилл Бенедиктов. Блокада. Кн.3: Война в Зазеркалье. М.: Этногенез, 2011.
4 (-/1)	Анна Калинкина. Метро 2033: Станция призраков. М.: АСТ, 2011.
5 (2/3)	Дмитрий Глуховский. Метро 2033: Ниже ада. М.: АСТ, 2011.
6 (7/15)	Элизабет Гилберт. Есть, молиться, любить. М.: РИПОЛ классик, 2010.
7 (4/2)	Дарья Донцова. Королева без башни. М.: Эксмо, 2011.
8 (5/2)	Борис Акунин. Квест. М.: АСТ, 2008.
9 (8/3)	Елена Михалкова. Манускрипт дьявола. М.: АСТ, 2011
10 (9/4)	Дарья Донцова. Рваные валенки мадам Помпадур. М.: Эксмо, 2011.

Non-fiction

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1 (-/1)	Пьер Дюкан. Я не умею худеть. М.: Эксмо, 2011.
2 (3/4)	Масару Ибука. После трех уже поздно. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
3 (1/4)	Жанна Агалакова. Все, что я знаю о Париже. М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2011.
4 (-/2)	Лаврентий Берия. «С атомной бомбой мы живем!» Секретный дневник 1945–1953 гг. М.: Яуза-пресс, 2011.
5 (-/1)	Маша Гессен. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М.: Астрель, 2011.
6 (9/4)	Михаил Полторанин. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо, 2011.
7 (-/1)	Виктор Похмелкин. Энциклопедия прав водителя от «А» до «Я». М.: ОЛМА Медиа групп, 2011.
8 (5/59)	Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
9 (6/3)	Адель Фабер, Элейн Мазлиш. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
10 (7/2)	Ричард Темплар. Правила родителей. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1 (-/1)	Джон Палфи, Урс Гассер. Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011.
2 (5/44)	Стив Харви. Поступай как женщина, думай как мужчина: Почему мужчины любят, но не женятся, и другие секреты сильного пола. М.: Эксмо, 2009.
3 (-/1)	Сергей Бубновский. Головные боли, или Зачем человеку плечи. М.: Эксмо, 2011.
4 (8/52)	Юлия Гиппенрейтер. Продолжаем общаться с ребенком. Так? М.: АСТ, 2009.
5 (1/2)	Андрей Бобырь, Михаил Бобырь. Здоровый позвоночник по методу Бобыря. М.: Эксмо, 2011.
6 (3/33)	Джон Грэй. Мужчины с Марса, женщины с Венеры. М.: София, 2009.
7 (4/16)	Саймон Оукс. Почему мужчины женятся. М.: Эксмо, 2011.
8 (6/143)	Аллен Карр. Легкий способ бросить курить. М. Добрая книга, 2008.
9 (7/92)	Дмитрий Шеглов. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». М.: АСТ, 2008.
10 (10/8)	Рони Миллер. Магнит для мужчин. Законы привлекательности. М.: Эксмо, 2011.

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амадеос», «Амиталь», «Новый книжный», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «Союз», «У Сытина», «Молодая гвардия», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

ПОДПИСКА – 2011

Уважаемые читатели!

В этом году газете «Книжное обозрение» исполнилось 45 лет! «Книжное обозрение» – самая авторитетная в России цветная газета о книгах и книгоиздании. В ней вы найдете самую актуальную информацию о книжных новинках во всех сегментах литературы, тематические рубрики, рейтинги продаж, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих писателях и книжном сообществе. Также существует профессиональное приложение «PRO», которое содержит в себе все новости книжного бизнеса.

«Книжное обозрение» – 45 лет вместе с вами! Спешите подписаться!

Ф. СП-1

Министерство связи

АБОНЕМЕНТ на газету журнал

книжное обозрение

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету журнал

книжное обозрение

(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп.

переплат руб. коп.

Количество комплектов

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

На всей территории России продолжается подписка на газету «Книжное обозрение» на второе полугодие!

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется: По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый); для подписчиков Москвы – стр. 146. Индекс 50051 – газета «Книжное обозрение»; Индекс 83102 – газета «Книжное обозрение» с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России»; Индекс 12823 – газета «Книжное обозрение»; Индекс 12786 – газета «Книжное обозрение» с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

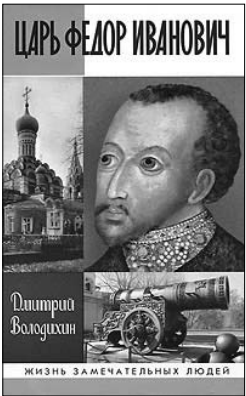
Подписку можно оформить в почтовых отделениях связи

Вниманию читателей!
Приложение «PRO» в розницу не распространяется
Подписка через альтернативные агентства подписки

- ООО «Информ-система». Тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru
- ООО «Информнаука». Тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com; e-mail: alfimov@viniti.ru
- ЗАО «МК-Периодика». Тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.periodicals.ru
- ООО «Интер-Почта-2003». Подписка только в России. Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru; e-mail: interpochta@interpochta.ru
- ООО «Деловая Пресса». Тел.: +7 (8332) 37-72-03, +7 (8332) 37-72-04; e-mail: delpress-zakaz@yandex.ru
- ООО «Агентство «Артос-ГАЛ»». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине. Тел.: (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.
- ООО «Союзпресс». Подписка в России и Белоруссии. Тел. +7 (495) 675-09-40
- ООО «УРАЛ-Пресс». Подписка в России и странах СНГ. Тел. +7 (495) 961-23-62; e-mail: moscov@urarl-pess.ru
- ООО «Информ Сервис». Подписка по регионам России и странам дальнего и ближнего зарубежья. Тел. +7 (495) 651-82-19; e-mail: abcnwpress@gmail.com
- ООО «Прессмарк». Тел. (8) 8352-55-10-68; (8) 8352-55-10-93; e-mail: podpiska@pressmark.cbх.ru
- Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244, e-magazin: www.magazines.lt
- Подписка на Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц. Тел. (1038044) 536-11-75; URL: prescentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

①

②

③

④

⑤

⑥

1

Между Грозным и Годуновым

Володихин Д.
Царь Федор Иванович.
М.: Молодая гвардия, 2011. – 263 с: ил. – (Жизнь Замечательных Людей). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-235-03419-8

Что мы знаем о последнем русском царе из династии Рюриковичей? Даже современники спорили — мудр и по-христиански смиренен государь или попросту разумом слаб... А спустя несколько лет уже все дружно, не прекращая, впрочем, дискуссии, вспоминали правление Федора Ивановича как золотое время на Руси. И неудивительно — кто постарше, тот помнил еще свирепость Ивана Грозного и опричные бесчинства, а молодые не видели вокруг ничего, кроме голода, холода и смуты. Тут волей-неволей будешь воспринимать, словно светлую сказку, бывшее царствование, когда уже не было массовых казней, но еще не начался всеобщий разбой, — и в стране строились новые города и возводились монастыри; была одержана победа над Швецией, покорена Западная Сибирь. Именно поэтому «...эпоха Федора Ивановича вспоминалась многим как Царствие Небесное на земле... островок благоденствия в океане тягот житейских».

2

«В начале было Слово»

Библейские истории. В пересказе М.Писменного / Посл. М.Писменного; Ил. Г.Доре.
М.: Престиж Бук, 3011. – 848 с.: ил. 4050 экз. (п). ISBN 978-5-371-00234-1

Библия и в III тысячелетии по праву является одной из самых читаемых книг в мире. Наша жизнь и мировая культура — несмотря на

войны, революции, атеизм, оккультизм и великие переселения народов — плотно нашпигованы библейскими аллюзиями. Будь то ветхозаветный Соломонов суд, меланхолический вздох после очередной учиненной ближнему пакости: «Кто без греха...» — или совсем уж вневременное «время собирать камни». Голгофа и геенна, умывание рук и чаша, которая «да минует нас», — все это давно обрело собственную нарицательную жизнь и обросло кучей дополнительных смыслов. Но иногда неплохо бы обратиться и к первоисточнику. Автор простым и доступным языком пересказывает события из Нового и Ветхого Заветов, особо подчеркивая происходившие библейские чудеса, чудеса духовные, положившие начало великим христианским праздникам, которые теперь во всем мире отмечают миллионы людей

3

Чудеса иных земель

Михайлов Д.
Крепость надежды.
СПб.: Ленинградское издательство, 2011. – 352 с. 6050 экз. (п) ISBN 978-5-9942-0821-2

Основная задача настоящего фэнтезийного героя — оказаться в безвыходной ситуации (причем — с верными сподвижниками) и начать совершать подвиги, попутно демонстрируя незаурядную смекалку и суровый нрав. Однажды молодой барон Корис убил во время пьяного дебоша в трактире некоего дворянина, оказавшегося внебрачным сыном короля. Суд и приговор: либо казнь через повешение, либо изгнание в Дикие Земли для основания поселения. Барон выбрал изгнание. За ним последовал отряд воинов его отца, связанных с баронским родом клятовой крови. Но в тех самых землях творились разные странности. К примеру, водились там косятные пауки — творение шурдских шаманов, бич пограничных городов. Да и карту для размещения поселения в Диких Землях король выдал фальшивую — доверяя ей,

изгнанник попал бы в смертельную ловушку. Неслучайно количество всевозможных загадок и тайн постоянно увеличивается...

4

Во славу Родины

Рогозин Д.
Барон Жолток: История одной России.
М.: Вече, 2011. – 112 с.: ил. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-5777-7

В документально-художественной повести рассказывается об истории старинной дворянской династии Миткевичей-Жолтков, несколько веков сражавшихся за Россию. Одна из глав посвящена малоизвестным событиям — немецким погромам в Москве в 1915 г. и роли в них полицеймейстера Московской столичной полиции генерал-майора Николая Антоновича Миткевича-Жолтка. Николаем II было принято решение о смене всего руководства московской полиции, а отважно противостоявшего многотысячной толпе погромщиков генерал-майора назначили руководителем одного из головных эвакуационных пунктов Западного фронта. Его сын Борис служил военным летчиком на Северо-Западном фронте, а после Октябрьской революции — в рядах РККА.

5

Царевич-мусорщик

Буркин Ю., Буркин С.
Русалка и Зеленая ночь.
М.: Экслибрис, 2011. – 320 с. – (ФантМир). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-4290-0009-1

Царевич Елисей, если верить Пушкину, за своей мертвой невестой по всему свету скакал, а космическому мусорщику Даниилу она, можно сказать, прямо в руки прилетела. Причем, чья невеста — неизвестно, но вне всяких

сомнений — мертвая. Но, благодаря технологиям будущего, абсолютно нетленная. Потерзавшись душевными муками, юный и романтичный Дания выкрал красавицу из орбитального морга и контрабандой доставил на Землю. Но где найти пристанище для столь необычной гостьи, ведь не в простой общаге? Пришлось обратиться за помощью к космической же прачке, которая была в Данечку давно и безответно влюблена. «*Машенька, возмущенно уперев руки в бока, разинула рот, чтобы сказать что-нибудь гадкое, но потом бросила взгляд в чулан, представила себя читающей глянцево-гламурные журналы на обширной кровати и Даню с покойницей в захлапленной кладовке, коварно усмехнулась и промолчала...*» И тут началось...

6

Картины былого

Берге Ад. П.
Кавказская старина / Сост. Н.Маркелов.
Пятигорск: СНЕГ, 2011. – 512 с.: ил. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-903129-28-7

Автор этого изящно оформленного издания — несправедливо забытый отечественный историк, издатель многотомной серии «Актон, собранных Кавказской Археографической Комиссией» — кладезя уникальных документов. Берге описывает отношения России и Грузии в XVIII — первой половине XIX веков, а также нюансы российско-персидских переговоров, в том числе посольство А.П. Ермолова в Персию и многолетние отношения российского наместника Кавказа с персидским правительством. В фолиант включены репродукции картин с изображениями местных пейзажей, торжественных приемов у персидских шахов, выступающих отрядов российской армии, портреты наших дипломатов и генералов. Не забыты и простые люди — в отдельной главе рассказывается о многочисленных племенах и даже приводятся старинные рисунки с изображениями кавказцев в национальных одеяниях, а также приведены статистические данные о высылке непокорных горцев царским правительством.

Автор рецензий — Алекс Громов

Екатерина Яковлева

Правосудие или месть?

Бекер Ю.
Дети Бронштейна: Роман / Пер. с нем. М.Зоркой.
М.: Текст, Книжкини, 2010. – 352 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-7516-0903-0, 978-5-9953-0074-8

Юрек Бекер (1937–1997) — немецкий писатель с нелегкой судьбой: его детство прошло в польском гетто и в концентрационных лагерях. Этим событиям, перенесенным страданиям и ужасу посвящены его книги. В романе «Дети Бронштейна» описываются события начала 1970-х годов. О двух периодах жизни героя говорится параллельно, что делает композицию романа захватывающей и непредсказуемой. Ганс — восемнадцатилетний юноша — приехав в свой загородный дом, обнаружил, что его отец со своими друзьями, в прошлом узниками концлагеря, держит там заперти бывшего лагерного надзирателя, угрозами и пытками выбивая из него признание вины. Ганс пытается ужиться с мучительными мыслями о правосудии и справедливости... Вынесет ли он груз отцовской тайны?

Екатерина Лебедева

Нет повести печальнее на свете

Агостини О.
Ржавчина в крови / Пер. с итал. И.Константиновой.
М.: РИПОЛ классик, 2011. – 240 с. – (Lovebook). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-386-02900-5

Снять поистине завораживающий фильм мечтает каждый режиссер. Ферруччо Тьецци, мастер своего дела, давно лелеял мысль о том, чтобы перенести на большой экран историю трагической любви юных Ромео и Джульетты. Актеров на главные роли, казалось, послала сама судьба: Френсис Фремптон и Лавиния Олифант очаровали режиссера с первых минут кастинга. На съемках молодые актеры, незаметно для самих себя, начали сблизиться, связь между ними крепла с каждым днем. История их любви развивалась настолько стремительно, что грань между актерской игрой и реальностью словно стерлась. Чувствам Френсиса и Лавинии предстоят большие испытания. Каким же окажется финал первой чистой любви? Ведь Шекспир не зря писал, предупреждая будущие поколения: «Нет повести печальнее на свете...»

фантастика

клуб

НОВОСТИ

Премии—2011

В конце мая в Екатеринбурге прошел XXVIII Европейско-Азиатский фестиваль фантастики «Аэлита». Одновременно отмечено 30-летие с момента начала вручения самой известной литературной «фантастической» премии.

Премии распределились таким образом:

Премия «Аэлита» — Г.Л. Олди. Вторая «Аэлита-2011» — Евгений Войскунский.

Мемориальная премия им. И. А. Ефремова — Б. Н. Стругацкий. Вторая премия имени Ефремова — коллектив портала «Fatnlab.ru».

Премия «Старт» — Виталий Абоян, «Древо войны».

Мемориальная премия им. В. И. Бугрова — редакция издательства «Снежный Ком М» (Глеб Гусаков, Эрик Брегис, Дмитрий Федотов).

Мемориальная премия им. И. Г. Халымбаджи — Орден «Рыцарь фантастики» — Антон Первушин, Николай Басов, Илья Те, Борис Долинго.

Премия «ЕврАзия» — Алексей Глушановский, «Сердце Вьюги».

Премия за конкурс короткого рассказа ККР-2011 — победитель голосования участников Александр Семькин.

С 3 по 5 июня в Подмоскovie состоялся самый молодой фестиваль отечественной фантастики — «Серебряная стрела», в просторечии «Сильверкон». Лауреатами нынешнего года стали:

Дебют — Карина Шаинян, «Долгий путь на Бимини».

Главный герой — Г.Л. Олди, «Изгнанница Ойкумены» (Регина Ван Фрассен).

Женский образ — Ольга Громыко, «Год крысы. Путница» (Рыска).

Мужской образ — Сергей Лукьяненко, «Непоседа» (Трикс).

Фантастический мир — Вадим Панов, «Последний адмирал Заграты».

Со-Творение — Василий Орехов, Юрий Бурносов, «Железный доктор».

Наши в космосе — Антон Первушин, «Звезда».

Премия от iworker (Рабочее настроение) — Леонид Каганов, «Лена Сквоттер и парагон возмездия».

Премия от газеты «Солидарность» (Реальное будущее) в этом году не вручалась.

Подготовил Даниил Мартин

Уж сколько раз мы рецензировали книги про разную нежить, а авторы все не унимаются. Призраки, оборотни, вампиры идут косяком. Правда, последнее время все эти упыри стали на удивление романтичными (видимо, сказывается недобрый пример «Сумерек»), а порой и влюбчивыми, но это уже влияние моды, а не древняя традиция.

Будете у нас на кладбище...

Чарли Дэвидсон — не совсем мотоцикл. Она частный детектив, анонимный осведомитель полиции и ангел смерти по совместительству. Последнее доставляет ей море проблем, хотя весьма полезно для ее дяди и отца. Именно способность Чарли видеть и слышать призраков помогла ее родственникам сделать довольно успешную карьеру детективов полиции. В конце концов, кому еще, как не жертве убийства, знать кто виновник, где труп и орудие преступления. Призраков Чарли не ищет. Они находят ее сами, иногда весьма не вовремя. В душе, например. Крайне неприятно обнаружить чужое привидение, просовывающее голову сквозь дверь ванной именно в тот момент, когда девушке приспичило сделать эпиляцию линии бикини. А уж что говорить о призраке, который годами висит в углу твоей гостиной и наотрез отказывается уходить и объяснять причины такого поведения. О каких романтических вечерах может идти речь в таких условиях? О страстных вечерах и говорить не приходится. Просто никакой личной жизни, постоянный надзор.

Так что никакого восторга по поводу своего предназначения — проводника душ к свету — героиня не испытывает. Еще больше ее раздражают покойники, которые отказываются признавать себя таковыми и упорно цепляются за свое тело, требуя немедленно вытащить его из черного пластикового мешка. Особенно если учесть, что ругаться с ними приходится буквально на глазах полицейской бригады, которая и так считает Чарли немного ненормальной за привычку разговаривать со стенами и фонарными столбами.

«Первая могила справа» — классический полицейско-детективный роман. В нем присутствуют все необходимые для сюжета герои. Есть частный детектив, она же ангел смерти, но это несущественно. (Оный детектив ведет свое расследование почти параллельно с официальным, может получать информацию из неизвестных и недоступных полиции источников — и тем самым страшно раздражает официальных представителей защиты правопорядка.) Есть следователи, которые недолюбливают частного сыщика — это обязательное условие. (Полицейские в таких романах недо-

Джонс Д.
Первая могила справа / Пер. с англ. Ю. Полещук.
М.: Астрель, CORPUS, 2011. — 384 с.
5000 экз. (п) ISBN 978-5-271-33231-9

люблюют частных сыщиков еще со времен Шерлока Холмса.) Есть верные помощники частного сыщика и, разумеется, преступники и жертвы. Правда, здесь еще наличествует пара очень таинственных знакомцев. По одному на том и на этом свете. А может, и не по одному.

Главное достоинство романа — характер — главной же — героини. В ней нет пафоса. Она вполне нормальная девушка. Конечно, в той степени, в которой может считаться нормальным человеком, одновременно существующий в мире живых и мертвых. Ее бесят косые взгляды, она не стремится спасать мироздание и не сочтется розово-сахарным сиропом, рассуждая о грехе и благоде. Вполне резонно опасается кому-либо признаваться в своих способностях и огрызается при попытках чужих людей выпытать что-либо на этот счет. У нее неплохое чувство юмора, хотя временами оно напоминает колочки дикобраза, растопыренные во все стороны.

Тайны Французского квартала

«Одержимая» — первый роман из серии, посвященной охотнице на вампиров Джейн Йеллоуок. Если окинуть взглядом, сколько же по страницам разных книг бегают охотников на вампиров, в пору задуматься о внесении данного вида в Красную книгу. Такими темпами и без того небольшой по численности вид засекреченных обитателей планеты должен вовсе исчезнуть с лица земли где-то к сентябрю.

Действие разворачивается в Новом Орлеане. Вампирское сообщество города нанимает Джейн для охоты на свихнувшегося собрата, нападающего на всех подряд и совершившего уже несколько

убийств. Причем убивает он и людей, и вампиров. А некоторых из последних он вообще нашел в их секретных убежищах для дневного сна, о которых вроде бы никто, кроме самых приближенных слуг, и не знает. Для вампиров эта ситуация крайне неприятна. Они давно вышли из подполья, наладили нормальные отношения с правительством — и тут такие глупости.

Устройство вампирских кланов сильно отдалось средневековьем. Магистр — сюзерен для всех своих домочадцев. Конечно, любого из них вполне может укусить при случае, но и спасать их бросится, даже рискуя угодить в рассветное солнце. Среди домочадцев как вампиры, обращенные когда-то магистром клана, так и простые люди, являющиеся слугами и донорами. Этаким запас провизии, который всегда ходит за хозяином. А, кроме того, людям проще смириться с появлением сотовых телефонов и Интернета, чем их семиотлетним хозяевам.

Сама героиня тоже не так проста. В возрасте двенадцати лет ее нашли в лесу охотники. Она не знала ни слова по-английски и не помнила ничего о самой себе... Лишь то, что она из племени чероки. Зато она умеет превращаться в любое животное по выбору, правда, даже магия не способна оказалась отменить закон сохранения материи, так что приходится либо брать дополнительный материал из окружающей среды, либо избавляться от собственного. Так что при вынужденных превращениях в какую-нибудь мелочь Джейн всякий раз опасается недосчитаться каких-нибудь частей тела.

Героиня — воплощенный феминизм на марше. Дерется, стреляет, прыгает через заборы, разезжает везде на байке, не ходит на свидания и сама платит за себя в кафе. А на случай внезапного обыска носит запасной осиновый кол в трусиках. Страшно подумать, к чему она его крепит. Еще страшнее предста-

Хантер Ф.
Одержимая / Пер. с англ. Н. Алешина, О. Полоухина.
СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 448 с.
5000 экз. (п) ISBN 978-5-389-01563-0

вить, какие же должны быть трусики, чтобы в них незаметно прятать осиновый кол?!

Любителям романтических сюжетных линий от этой книги

ждать особо нечего. Никаких любовных историй не предвидится. Сплошное мордобитие и поедание самой легкой добычи — людей. Кроме этого будут только постоянные превращения героини в зверя и обратно и выяснения внутренних взаимоотношений двух частей ее личности.

Остается неясным один вопрос. Конечно, Новый Орлеан — город курортный. Туда стекаются любители покурить, а Французский квартал — и вовсе средоточие развлечения. Но не до такой же степени, чтобы за десять ночей никто ни разу не заметил здорового кугуара, в образе которого Джейн носилась по городу?

В целом, из двух сюжетных линий — вампира-убийцы и самой Джейн — интереснее оказалась как раз вторая, второстепенная. Постепенное осознание ею самой себя и возвращение обрывков воспоминаний о семье, народе и собственных способностях. А вампиры... Ну, что вампиры? Осиновый кол — и никаких чудес.

Конец еще не конец

Ну и наконец, «Город стекла» — третий том серии о Сумеречных охотниках. Действие в нем перемещается из Нью-Йорка в Идрис, скрытую от посторонних страну, родину нефилимов. К моменту начала третьего тома в руках у Главного Злодея оказались два древних артефакта, и ему осталось заполучить третий для достижения своих целей. Герои же, вместо того чтобы бегать за ним по всему Идрису, прочно завязнут на совещаниях, собраниях и прочих брифингах. А вся проблема в том, что в третьем томе в дело вмешались взрослые, отнеслись несовершеннолетних подростков. А взрослые прекрасно понимают, что нельзя кидаться на поиски Главного Злодея без соответствующего плана, должным образом принятого, утвержденного, подписанного и скрепленного печатью. В трех экземплярах. Они же не дети, в конце концов. Тем более город защищен барьером, сквозь который не пройдет ни один демон. Защита абсолютно непроницаема, и ее невозможно отключить. Но, как показал пример Титаника, самые непотопляемые корабли вполне могут затонуть в первом же рейсе. Главное — правильно подобрать айсберг и время его появления. А уж у Главного Злодея способностей для этого вполне достаточно.

Взрослые нефилимы, несмотря на свое происхождение, на ангелов не очень похожи. Политические интриги, предательства, заговоры — все это в полной мере присутствует в Конклаве. Вкупе с довольно грязными способами веде-

ния дел. Поневоле начинаешь соглашаться с Главным Злодеем в том, что Конклава порочен и нуждается в переменах.

В третьей части читателям открываются все большие тайны. Жаль только, что внимательный читатель догадывается обо всем сам, опережая в этом персонажей страниц примерно на сто. Конечно, приятно чувствовать себя умным и догадливым, но временами тупость героев, не замечающих очевидных вещей, начинает несколько раздражать. Слишком уж много намеков оставила Кассандра Клэр в предыдущих частях серии, слишком явно, в лоб, намекает в третьей. Причем героям-то необходимо оставаться в неведении как можно дольше, дабы повествование не пришлось заканчивать уже на пятой главе.

При этом, однако, некоторые моменты все же станут сюрпризом. Происхождение Джейса и суть экспериментов Главного Злодея, результатом которых стали как Джейс, так и Клэри, отгадать без объяснений автора не получится.

В каждом томе саги некоторые герои представляют главный источник хохм. В первом томе это были вечно препира-

Клэр К.
Сумеречные охотники: Город стекла / Пер. с англ. Н. Абдуллина.
М.: РИПОЛ классик, 2011. — 576 с.
10 000 экз. (п) ISBN 978-5-386-03197-8

шиеся Клэри и Джейс, во втором — Саймон с его неожиданным перерождением, а в третьем — Алек и верховный маг Бруклина Магнус Бейн.

Наконец-то почти все герои разберутся по парам, и на данном направлении наступит относительное спокойствие. Но, хотя некоторые любовные треугольники распадутся, на смену им придут новые, пусть и не настолько бурные, как предыдущие. Но не обойдется и без некоторых потерь среди героев. В последнее время совсем счастливый конец не в моде, так что его обязательно нужно сдобрить хотя бы одними похоронами. К тому же победители недосчитаются некоторых трупов побежденных. А, как гласит народная мудрость, нет большей глупости, чем верить в смерть врага, если вы не видели трупа своими глазами. Что это — небрежность автора или же задел для продолжения — покажет время.

Страхи Европы

Dead can dance

«Каждый боится, что однажды где-нибудь на кладбище сдвинется могильная плита и он ощутит на шее чье-то ледяное дыхание. И никто не ждет добра от оживших мертвецов. А значит, все верят в вампиров». Это живучее древнее суеверие в последнее время получило словно еще одно дыхание. Зашевелились, выбрались из склепов герои Стефани Майер и сериала «Дневник вампира» (надо признать, что Йен Зоммерхальдер будет похари́зматичнее Роберта Паттинсона, да и актер из него куда как более одаренный), однако со времен «Интервью с вампиром» Энн Райс место этих симпатичных и безобидных созданий — в массовой культуре разреза MTV. Посему, встретив упырей в новой книжке Фред Варгас, автор этих строк едва не исторг вопль разочарования: и эта уважаемая писательница туда же! Однако с каким изяществом, с каким блеском решена задача! Словно автор решила: я покажу всем вам, как делаются вампирские тексты. Фред Варгас — французка испанского происхождения, весьма уважаемая дама — археолог и антрополог, в перерывах между научной деятельностью сочиняет книги направления, которое назовем «авторским детективом». Французское определение «ромполь» или «поляр» — «полицейский роман», которое западная пресса к ней приклеила, представляется неточным — уж очень много в этих книгах элементов «серьезной» прозы.

Действие «Заповедного места» завязывается в Лондоне, на небольшой площади меж закрывающимися на ночь пабами. В тусклом свете танцует высокий и тощий человек, лорд Клайд-Фокс. «Яркий пример того, что у вас называется «эксцентричным аристократом», — поясняет сквозному герою нескольких романов Варгас французскому комиссару Адамбергу его английский коллега. — По правде говоря, у нас их остались единицы, ведь они почти не воспроизводятся». Той ночью его светлость выпил больше обычного — у служебных ворот старого Хайгетского кладбища он обнаружил десяток пар старой, поношенной обуви. С аккуратнотрезанными человеческими ступнями внутри.

С Хайгетом, превращенным ныне в туристический объект, связано много историй, их писательница тоже упоминает, одна из них и породила у Брэма Стокера, человека не очень уравновешенного, тягу к вам-

Варгас Ф.
Заповедное место /
Пер. с фр. Н.Кулиш.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2011. — 496 с. — (Лекарство от скуки). 5000 экз.
(n) ISBN 978-5-389-01480-0

пирской теме. Конечно, возвратившись на родину с проходившего в Лондоне международного полицейского коллоквиума, на котором обдумывали меры по ограничению эмиграции, комиссар Адамберг берет-ся за другое дело. И снова по основной специальности Варгас, как в романах «Мертвые, вставайте», «Вечность на двоих» — ее много переводили в «Иностранке», — важную роль в повествовании играют человеческие кости. Крови мадам Варгас не боится. Место нового преступления залито ею настолько плотно, что полицейским приходится передвигаться по специальным пластиковым мосткам. Но описано это без вождления: «Адамберг... встал на пластиковую дощечку, потом осторожно один передвигался по комнате, другие полицейские... неподвижно стояли на своих дощечках, словно пешки на клетках, когда шахматист делает ход». Когда читатель встре-

чается с новым, даже самым незначительным героем, то сразу получает его исчерпывающую психологическую характеристику: «Одно ухо у него было больше другого, он чесал его, точно встревоженная собака, и только этот жест указывал на то, что либо у него горе, либо он чувствует себя пропавшим человеком». По уровню письма, умеренному количеству мистики и психологизму Варгас близка к Лорану Ботти, автору романа «Багровые реки», по которому был снят фильм с сиквелом, с Жаном Рено в главной роли. Но у Ботти все же меньше изящного юмора,

кина побольше, чем у Варгас (которая, можно сказать, их напрочь лишена).

Ребусу до пенсии — неделя, но на мостовой Эдинбурга с проломленной головой найден русский поэт-диссидент Александр Федоров, последний его поэтический сборник именуется «Астапово-блюз», в него входят стихотворения «Раскольников», «Леонид» и «Помни ГУЛАГ». А фамилия «понаехавшего» в Эдинбург российского олигарха — Андропов; он носит шапку-«пирожок» и вместо перчаток — варежки. Но это, конечно, шотландский юмор. Еще один роман Рэнкина, с которым знаком российский

который делает тексты Варгас, несмотря на сюжетную брутальность, парадоксально уютными.

Актуальный финал

В отличие от французской коллеги, шотландец Иэн Рэнкин профессиональный писатель, и тоже весьма титулованный: офицер Ордена Британской империи, почетный помощник лорд-лейтенанта Эдинбурга, обладатель «Алмазного кинжала» — довольно престижной в Европе премии Британской ассоциации детективных писателей (у Фред Варгас два «Кинжала Дункана Лори» — от той же ассоциации). Рэнкин тоже пишет серии, его сквозной герой — инспектор Ребус, человек взрослый, консервативный, любит послушать Нила Янга, Леонарда Коэна и Тома Уэйтса и не разбирается в компьютерах... Стереотипов у Рэн-

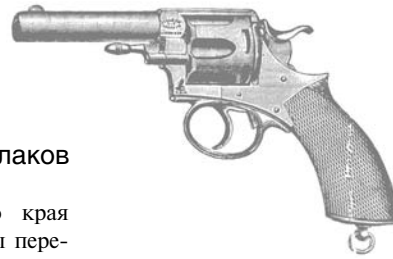
читатель, назывался «Заживо погребенные». Конечно, любительницы классики от такой попы будут в ужасе заламывать руки, однако если

Рэнкин И.
Музыка под занавес /
Пер. с англ. В.Гришечкина.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2011. — 672 с. — (Лекарство от скуки). 4000 экз.
(n) ISBN 978-5-389-01679-8

продолжить чтение, то станет ясно, что «заживо погребенными» называли группу шотландских полицейских, которых отправили в старинный

Сергей Шулаков

НОВОСТИ

Канадский криминал

2 июня ассоциация The Crime Writers of Canada объявила лауреатов премии Arthur Ellis Awards за 2011 год.

Лучший роман — Лоис Пенни, «Похороны своего мертвеца» («Bury Your Dead»).

Лучший рассказ — Мэри Джейн Маффини, «Так много общего» («So Much In Common»). Примечательно, что обе эти номинации дублируют результаты недавней Agatha Award.

Лучший дебют — Эвнер Мэндлмен, «Дебба» («The Debba»).

Лучшая документальная книга — Стюи Кэмерон, «На ферме» («On the Farm»).

Лучшая книга для детей и юношества — Элис Куайпс, «Худший из ее поступков» («The Worst Thing She Ever Did»).

Лучшая книга на французском — Жак Кот, «Отделение для буйных» («Dans le Quartier des Agités»).

И о печальном

7 июня в хосписе города Ландрум в Южной Каролине от болезни легких скончалась Лириан Джексон Браун — автор детективных романов серии «Кот, который...», где главный герой, усатый журналист Джим Квиллер, распутывал всевозможные загадки с помощью сиамиского кота Коко и кошки Юм-Юм. Первая книга серии — «Кот, который умел читать задом наперед» («The Cat Who Could Read Backwards») — вышла в 1966 году и заслужила своему автору титул «Детективного автора года» по версии The New York Times.

Всего Браун написала о коте и его хозяине 30 романов.

Лириан Джексон Браун родилась 20 июня 1913 года в Массачусетсе и начала писать еще школьницей: со стихов она перешла на рекламные объявления, потом — на газетные заметки. Со своим первым мужем, Луисом Полом Брауном, жила в городке Бэд-Экс, который впоследствии описала в своих романах как Пикэкс.

Все детективы она до последних лет собственноручно печатала на машинке, не признавая никаких компьютеров, и посвящала второму мужу, Эрлу Беттингеру.

Подготовил Даниил Мартин

фрагмент

«Математик»

Он явился на семинар с бутылкой Jameson. Стоя у доски и рассказывая новую тему четырем студентам, он прихлебывал в такт доказательств лемм, которые следовали одна за другой, как патроны в пулеметной ленте. В конце он сделал триумфальный глоток и сколько-то еще продержался на ногах, выписывая на доске ссылки на статьи, развивающие только что изложенное. Наутро ему позвонил секретарь декана. Максим явился в деканат только через три дня.

— Вы вынудили нас навязать вам годичный отпуск, — посмотрел ему в глаза декан после очень бодрого приветствия. — Мы хотим, чтобы вы провели его вне кампуса.

Макс неделю обдумывал нанесенное ему оскорбление. Ему стало стыдно. Он позвонил жене. Она сказала, что желала бы прервать отношения на месяц. Он швырнул трубку в стену. В тот же вечер сел в машину и поехал куда глаза глядят. В потемках скоро заслезились глаза, куриная слепота объяла мозг, он съехал на обочину перед мостом и речкой и ночевал над небольшим костерком, который удалось сложить из щепочек и соломы, остававшихся сухими на склоне. Посреди ночи его разбудил вопль выпи, которая огромно, будто не птица, а бык, страшно захлопала по воде, преследуемая, видимо, шакалом или лисой.

Утром он не смог разлепить глаза: ресницы смерзлись. Неделю петлял вдоль побережья, забирая к югу. Ночевал там, где заставал его закат. Наконец осознал, что кружит — узнал портье, рыжего, с серьгой, — и понял, что ночевал в этом мотеле неделю назад. Тогда он купил карту и на ней фломастером проложил маршрут в Сан-Франциско.

Всю поездку Макс провел насухо. Чтобы не было скучно, каждый раз, когда останавливался в мотеле, заказывал пиццу и вызывал себе проститутку. Пиццу несколько раз привозили уже после того, как приезжала девушка. С проститутками он не мог заниматься тем, чем полагалось; они ему были нужны только, чтобы провалиться в сон. Девушка приезжала, он глотал транк и, пока таблетка не растворяла внутри пружину, давал проститутке деньги и просил уйти сразу после того как он заснет. Один раз он так лишился кошелька и проторчал в том злосчастном городке неделю, пока не восстановили кредитки и водительские права.

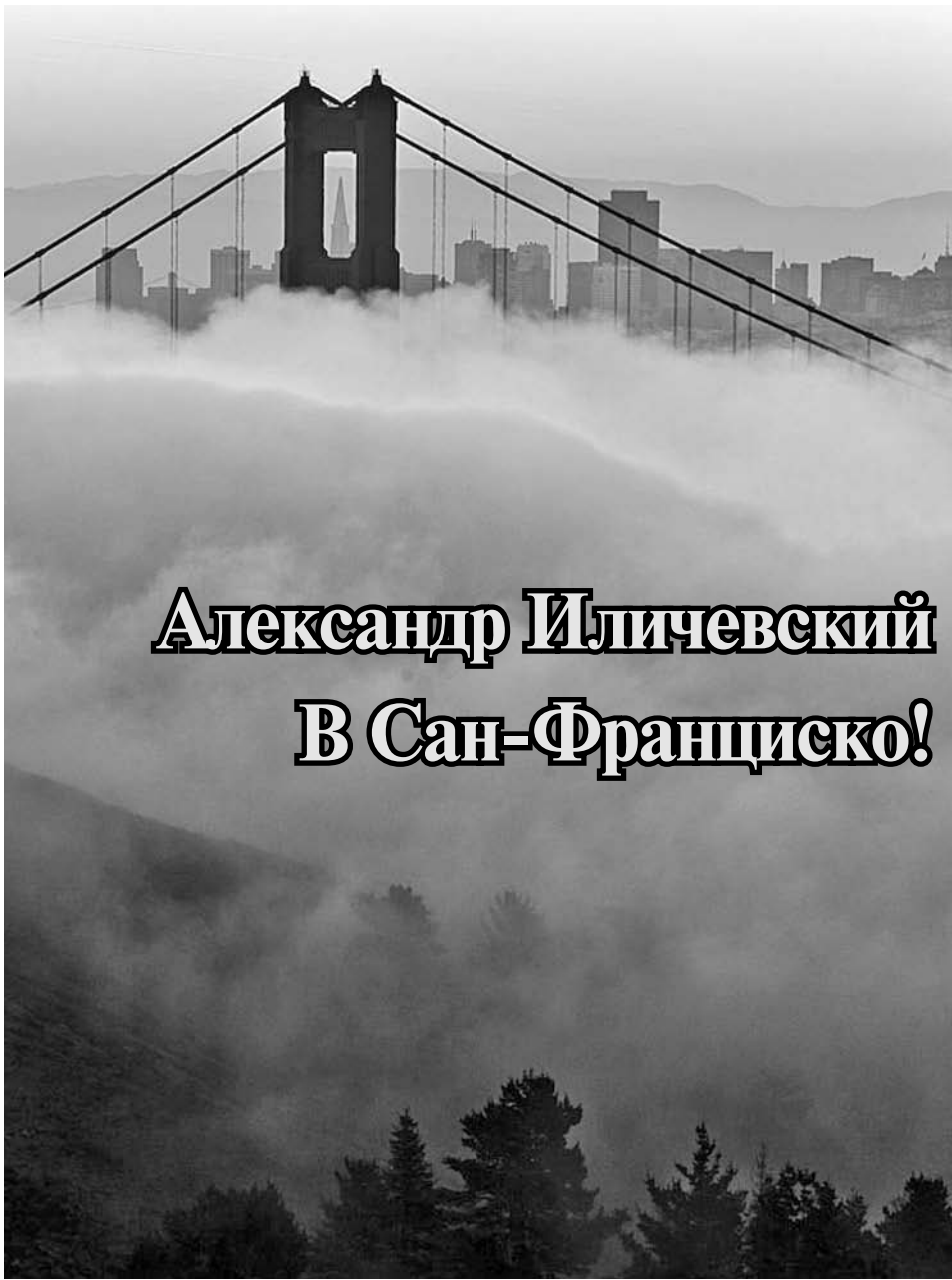
В Аризоне у него полетел ремень ГРМ, здесь он снова застрял на неделю, поджидая, покуда прибудут запчасти, и удержался от того, чтобы залиться в такую жару пивом.

«Я — герой», — сказал себе Макс, когда выезжал на своей отремонтированной «субаре» из автосервиса. «Я — герой!»

В Сан-Франциско, в городе, который очаровал его в стэнфордские времена, он поселился в полуподвале в начале 25-й авеню. Окна выходили под лестницу, спускавшуюся в густо заросший шиповником и дробом двор. Весь квартал, соединяясь в каре задними дворами, образовывал своеобразный парк. В нем обитали еноты и скунсы, гнездились птицы. Над расцветшим гранатом по утрам он видел двух-трех полупрозрачных колибри. Еноты по ночам опустошали корзинку с фруктами, которую он оставлял на подоконнике. Максим решил их выследить.

Светящиеся зенки зверьков наполнили садик. Еноты ощерились, когда он стал их отгонять. Макс вдруг беспомощно подумал: хорошо, что нет с ним детей — они непременно бы захотели поиграть с енотами. Он снова наслаждался городом. Каждый день ходил смотреть на самый красивый в мире мост. Выгнутый меж берегов, он летел на две мили и в тумане усевался желтым ожерельем сочащихся фонарей; казалось, что дорожное полотно и суриксовые тяги уходят в никуда, в бездну пролива. Еще ему нравилось пройти туннелем под парком Presidio и поймать при выходе особенный ракурс. Максим с наслаждением ждал обеденного времени и шел на улицу Clement, где в маленьких ресторанчиках были сосредоточены все виды восточных кухонь. Много

Этим летом в издательстве «АСТ» выходит новый роман Александра Иличевского «Математик». Не только менеджеров и звезд шоу-бизнеса охватывает желание удрать от своей работы «на волю, в пампасы». Выдающемуся математику Максиму Покровскому тоже невыносимо захотелось бежать — прочь от цифр, пьянства, преподавания в Принстоне, Филдсовской медали, осознания того, что достиг вершины, которая тебе не нужна... Искать себя!

Александр Иличевский В Сан-Франциско!

времени проводил на Haight-Ashbury, своеобразном богемном базаре: обходил один за другим музыкальные и книжные магазины и особенно увлекся комиссионками, где продавались старые пластинки. Было забавно стать обладателем того, что в детстве было больше, чем Джомолунгма, — например, пластинки Abbey Road.

По вечерам он торчал в кальянной на бульваре Попрошаек. В ней полутемный, заволоченный сливовым дымом воздух, разmeshиваемый сонными лопастями вентиляторов, скрывал топчаны, устланные коврами, на которых мирно читал или беседовал хипповый люд. Здесь ему нравилось устроиться полулежа с «Нью-Йоркером» на пару часов, за которые он успевал выпить бадейку капучино и съесть несколько миндальных сухариков. В один из дождливых вечеров, когда низины меж городских холмов заполнялись реками тумана, он познакомился в кальянной с Викой. Порывистая, неврастеничная, то самовлюбленная, то кроткая, эта питерская хипповая девица третий год подвисала в здешнем раю.

Они сошлись не сразу; Вика любила поболтать с ним, съездить на океан, погулять, но отстранялась, когда он обнимал ее, чтобы поцеловать, говоря: «Что за детский сад. Крепитесь!» Что-то произошло, когда она услышала у него в машине Стива Райха — Different Trains. В основе этой пьесы лежат музыкальные рефрены отдельных фраз: какой-то старик вспоминает, как в детстве, еще до войны, после развода родителей, бабушка возила его от отца к матери — из Чикаго в Нью-Йорк и обратно; вся многострунная пьеса пронизана гуд-

ками локомотивов и вторит стуку колес. Вика послушала и пробормотала: «Я знаю эту вещь, я знаю наизусть все фразы оттуда, вот послушай:

АМЕРИКА ДО ВОЙНЫ

- из Чикаго в Нью-Йорк
- один из самых быстрых поездов
- лучший поезд из Нью-Йорка
- из Нью-Йорка в Лос-Анджелес
- каждый раз другой поезд
- из Чикаго в Нью-Йорк
- в 1939
- 1940
- 1941

— 1941 так или иначе должен был случиться

ЕВРОПА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

- 1940
- на мой день рождения
- немцы пришли
- немцы вторглись в Голландию
- я был во втором классе
- у меня был учитель
- очень высокий человек с зачесанными гладко волосами
- Он сказал: «Черные толпы евреев вторглись в наши земли много лет назад»
- и уставился прямо на меня
- не стало больше школы
- мы должны покинуть страну
- и она сказала: «Быстро, быстро, сюда!»
- и он сказал: «Замри, не дыши!»
- в эти вагоны для перевозки скота
- в течение четырех дней и четырех ночей
- и затем мы погрузились в эти странно звучащие имена
- польские имена

- множество теплушек там
  - все они были забиты людскими телами
  - они побрили нас
  - и вытатуировали номера на наших руках
  - пламя и дым возносились в небо
- ПОСЛЕ ВОЙНЫ
- и война закончилась
  - Вы уверены?
  - война закончилась
  - едем в Америку
  - в Лос-Анджелес
  - в Нью-Йорк
  - из Нью-Йорка в Лос-Анджелес
  - один из самых быстрых поездов
  - но к нынешнему времени все они ушли
  - там была одна девушка, с прекрасным голосом
  - и немцы обожали слушать пение
  - и когда она прекратила петь, они зааплодировали и стали кричать: «Еще! Еще!»

— Так вот, я как раз и напоминаю иногда себе ту девочку, что пела для немцев, — сказала Вика, и глаза ее наполнились слезами.

Максим обнял ее, и она не отстранилась, впервые.

Вика носила длинные расшитые индейскими фигурами Наска юбки, постоянно меняла (поскольку сама плела) различные фенечки — из нитей и кожаных шнурков, одаривала ими Максима, — и работала продавцом в магазине одежды на улице Кастро. Когда Макс заходил за ней, она непременно старалась его приодеть, и он не особенно сопротивлялся, потому что Вике с этого тоже была польза в виде комиссионных, — покупал то джинсы, то майку, то рубашку.

Чтобы всегда быть за рулем и тем самым блокировать желание выпить, да и чтобы узнать получше город, Максим придумал развозить пищу. А выпить ему хотелось страстно. Иногда его трясло и ломало, и по ночам он просыпался от ужаса, что все-таки сорвался и выпил. Он вскакивал и не сразу мог прийти в себя, но, когда понимал, что падение случилось во сне, — с облегчением мгновенно засыпал. Один раз он учуял запах перегара, шедший из его собственного рта. Тогда он перепугался не на шутку. Утром пошел к наркологу. Тот посоветовал ему все-таки лечь в реабилитационную клинику и сообщил, что науке известны случаи, когда организм алкоголика, пребывающего в состоянии воздержания, самостоятельно повышал содержание спиртов в крови с помощью какого-то замысловатого механизма работы ферментов.

Но Максим решил справиться сам. Ему нравилась работа в ресторане Round Table Pizza на улице Van Ness. Когда не было заказов, он торчал в пиццерии и наблюдал, как месят тесто, как раскручивают его над головой в пульсирующий блин, пускают в печную шель, полыхающую синими зубцами пламени, раскраивают с хрустом двуручным округлым резакком... Он подхватывал сумку-термос с заказом и нырял в неоновую сетку таинственного гористого города, затопленного туманами, с трех сторон тесно обнятого океаном и увенчанного великолепным зрелищем моста над проливом.

Перегар изо рта больше не шел, но мучения продолжались. Максима преследовали повторяющиеся сны: он вдруг понимал, что выпил, ощупывал карманы и находил во внутреннем кармане куртки открытую банку пива, в другом — фляжку с Jameson, но тут его пронзало отчаяние — и он прятался ото всего белого света. Стыд лился ему в горло, как вода в нутро утопленника: он уже выпил, он не выдержал — все погибло, он совершил преступление, он пропал, и все непоправимо. Макс просыпался и не мог поверить, что это случилось с ним не наяву. Чувство вины не проходило. Он лежал и уговаривал себя: «Ну, подумай, это же было во сне, никто, кроме тебя, этого не видел», — и вот это «никто не видел» как-то успокаивало. И тогда он чувствовал облегчение и засыпал. А через несколько дней сон повторялся.

слова и звуки

Волна нашей памяти

Ловлю себя на мысли, что не могу припомнить ни одной песни, написанной в «нулевые». Зато сходу вспомню пару-тройку десятков (!) шлягеров из 1970-х. Интересно, почему? Ответ очевиден — просто в ту декаду создавались действительно гениальные и по-настоящему всенародные песни, многие из которых по праву стали частью нашего культурного наследия. Они органично и безболезненно вошли в повседневную жизнь, а все свеженapisанное не имеет ни малейшего шанса конкурировать с ними.

Книга «Песни нашего поколения. Семидесятые» — отличный повод вспомнить об этих песнях, создаваемых в стране чудовищных запретов, изолированной от остального мира пресловутым «железным занавесом». «Живые человеческие эмоции, вложенные в эти произведения», — цитируют авторы композитора Давида Тухманова, — *перешагивали идеологические и другие искусственно созданные рамки. Потому сегодня какая-то часть нашего сознания с этими песнями по-прежнему совпадает. Другое дело, что было и огромное количество музыкальной макулатуры, написанной по социально-идеологическому заказу. Она и осталась макулатурой. Никто ее не помнит, никому это не нужно. Но то, что отселялось временем и представляет собой реальную художественную ценность, вполне жизнеспособно*.

Авторы поставили перед собой почти неразрешимую задачу — в объем одной книги уместить все значимые события советской музыкальной поп-культуры, а также по максимуму вспомнить наиболее значимых ее представителей. Если не брать в расчет весьма сомнительные высказывания («Песня «Шизгара» стала символом советского поколения 70-х» или «В СССР идеи консервативной рок-революции подхватили и развили вокально-инструментальные ансамбли»), книга как некий ностальгический артефакт явно удалась. И здорово, что авторы не углубляются в анализ происшедшего, лишь изредка давая возможность высказаться по этому вопросу фигурантам книги. Они просто разбили свой материал по принципу энциклопедии на десять разделов, соответствующих годам, и в рамках каждого года пытаются выстроить хронику тех событий. Как ни странно, но довольно аляповатый и громоздкий дизайн книги только помогает ее восприятию, ибо он созвучен многоликой музыке 70-х, где тесным образом переплелось творчество и титульных советских композиторов, и вокально-инструментальных ансамблей, и подпольных рок-групп, и «придворных» исполнителей, и бардов-гитаристов.

Безусловной удачей авторов является то, что начиная чтение, через несколько страниц волшебным образом проваливаешься в ту эпо-

Марочкин В., Сычева Н., Игнатьев А.
Песни нашего поколения: Семидесятые.
Ростов н/Д: Феникс, 2011. — 287 с.: ил. 2500 экз. (п) ISBN 978-5-222-17880-5

ху, вспоминая и гениальную музыку из кинофильмов «Семнадцать мгновений весны», «Бумбараш», «Иван Васильевич меняет профессию», «Белорусский вокзал», «Белое солнце пустыни»; и детские песни на все времена из мультиков «Чебурашка» и «По следам Бременских музыкантов»; и патристические шедевры типа «День Победы». А кто тогда не хотел обладать пластинкой Давида Тухманова «По волне моей памяти» или «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» Алексея Рыбникова?

Любимой темой книги явно являются вокально-инструментальные ансамбли. «Веселые ребята», «Самоцветы», «Песняры», «Голубые гитары», «Поющие сердца» и многие-многие другие представлены здесь во всех аспектах своего творческого кредо. Движимые желани-

ем «урить Битлз» и петь как «фирмачи», до глубины души презирающие «совок», многие из тогдашних музыкантов жили двойной жизнью — для заработка пели патристические песни, для души — зарубежные хиты. И это отлично показано в книге. «Концерты «Голубых гитар» строилась блоками: то народная песня, то эстрадная, — вспоминает один из музыкантов. — Там присутствовало все, от цыганочки до Led Zeppelin, чтобы любая публика была довольна концертом».

Интересное было время! Люди валом валили на концерты, Дворцы спорта всегда были забиты публикой, поэтому популярным ансамблям приходилось давать по несколько концертов в день! Люди сметали с полок магазинов грампластинки, которые расходились миллионными тиражами. Люди слушали любимые песни по радио, записывали на магнитофоны, чтобы открыть настежь окна, врубить их на всю улицу. И это в самый пик застоя, во времена весьма скромных зарплат и дефицита продуктов питания!

Кстати, по информации авторов, сами музыканты зарабатывали в то время приличные деньги, данным постулатом опровергая расхожую прибаутку «тяжела и неказиста жизнь советского артиста».

Показан в книге и музыкальный андеграунд, но весь

ма поверхностно. И это правильно, ибо данная тема достойна отдельной книги.

Безусловно, 70-е годы явились продуктивным временем для всей советской культуры, а не только для поп-музыки и эстрады. «Маркером семидесятников стал Большой стиль, который они создали для всей страны», — утверждают авторы книги. С этим можно согласиться, ибо немалое количество отличных песен, созданных в 70-е советскими композиторами старой школы — Шаинским, Зацепиным, Таривердиевым, Тухмановым, Пахмутовой, — это действительно Большой стиль. Творчество Александра Градского, Алексея Козлова, Владимира Высоцкого, то, чему до обидного мало уделено в книге места, — это, несомненно, тоже Большой стиль. Всенародная любовь к молодой певице Алле Пугачевой и мировое признание вокально-инструментального ансамбля «Песняры» — результат Большого стиля, созданного этими незаурядными артистами. Что же касается песен типа «Мой адрес — Советский Союз», «Алешкина любовь», «Люди встречаются» и тысяч других эстрадных шлягеров тех лет, так заботливо описанных в данной книге, — я не стал бы относить их к Большому стилю. Несмотря на то, что по сравнению с современными поп-хитами они выглядят почти шедеврами.

НОВОСТИ

Буш поет Джойса

Одна из самых уважаемых певиц Британии Кейт Буш выпустила накануне новый альбом под названием «Director's Cut». Это коллекция песен с двух ранних пластинок певицы — «The Sensual World» и «The Red Shoes». Однако все композиции основательно переработаны, спеты и сыграны по-новому. Например, при работе над песней «Flower Of The Mountain» Кейт Буш использовала в качестве текста монолог Молли Блум из «Улисса» Джеймса Джойса. По словам исполнительницы, в свое время, в конце 1980-х, она спрашивала у наследников писателя разрешение использовать в песне отрывок из «Улисса», но получила отказ, поэтому ей пришлось сочинять собственный текст.

20 лет спустя Буш решила повторить попытку — и на сей раз добилась успеха. «Не могу поверить, что спустя все эти годы я наконец-то осуществлю свою первоначальную концепцию», — говорит 52-летняя исполнительница.

Козн — писатель

Канадский поэт и певец Леонард Козн получил премию принца Астурийского в области литературы. Жюри отметило как его тексты к песням, так и другие литературные произведения, в том числе сборник стихов «Цветы для Гитлера», а также романы «Прекрасные неудачники» и «Любимая игра».

«Стихи и песни Леонарда Козна отличаются глубиной и красотой и затрагивают фундаментальные вопросы человеческого существования», — говорится на сайте премии. «Течение времени и любви, мистическая традиция Востока и Запада, жизнь как нескончаемая прогулка составляют основу творчества поэта, тесно связанного с поворотными моментами рубежа XX и XXI веков», — комментировало жюри свое решение. Кстати, в этом году Козн опубликовал новый сборник под названием «Поэмы и песни».

Как лауреату премии принца Астурийского Козну вручат статуэтку работы Жоана Миро, почетный диплом и денежный приз в размере 50 тысяч евро.

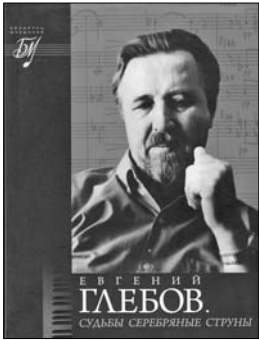
Любопытно, что Леонард Козн был среди претендентов и на приз в области «Искусство», то есть именно за музыку. Но тут его обошел известный итальянский дирижер Рикардо Мути.

Подготовил Даниил Мартин

Судьба композитора

В Минске, к 80-летию со дня рождения Евгения Глебова (1929–2000) затеяли и с некоторым опозданием выпустили большую книгу о нем. Евгений Александрович — один из самых именитых белорусских композиторов. Иногда о нем говорят немного иначе: белорусский и российский. Родился на Смоленщине, в Рославле. Окончив железнодорожный техникум, работал в Могилеве. Увлекался музыкой, играл на гитаре. Пытался поступить в местное музыкальное училище, но принят не был: профнепригоден. В Могилеве, однако, в это время оказался известный музыкант и дирижер И. Живович. Знакомые ребята из училища рассказали ему о Евгении, и Иосиф Иосифович согласился послушать. Итог был невероятный. Маэстро пригласил юношу поступать в консерваторию.

Евгений Глебов стал первокурсником Белорусской консерватории, не умея читать ноты, не зная сольфеджио, не прикасавшись к фортепиано.

Евгений Глебов. Судьбы серебряные струны: Воспоминания, интервью, посвящения, эссе.
Минск: Мастацкая літаратура, 2010. — 351 с. 1000 экз. (п) ISBN 978-985-02-1152-1

В биографии Глебова еще не раз случались уникальные события. До окончания консерватории он уже был принят в Союз композиторов Белоруссии. Студентом старшекурсником Глебов уже преподавал композицию в Минском музучилище, на последнем курсе его зачислили музыкальным руководителем Минского ТЮЗа.

В 1960 г. Евгения Глебова исключили из Союза

композиторов. Через полтора года композитора восстановили в композиторской организации. А много позже В. Соловьев-Седой, узнав про этот случай, тоже, как оказалось, единственный в своем роде, остроумно заметил: да, у вас в Минске есть ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ композитор.

Исключительность Глебова проявлялась не раз. В первом своем балете «Мечта» (1961) впервые в партитуре были использованы вокал, саксофоны, ионика. Впервые сценические произведения белорусского композитора были поставлены в Западной Европе: балеты «Тиль Уленшпигель» (Хельсинки, 1977) и «Маленький принц» (Хельсинки, 1982, мировая премьера). Впервые балет белорусского композитора поставили в Большом театре Союза ССР («Маленький принц», 1983, премьера в Кремлевском Дворце съездов).

А еще были написаны другие балеты, в том

числе «Альпийская баллада» по повести В. Быкова (1967), опера «Мастер и Маргарита» (ГАБТ РБ, 1992), оперетты, симфонии, сюиты, оратории, кантаты, музыка к многочисленным кинофильмам и спектаклям, хоры, песни. Евгений Александрович всего себя посвящал работе, старался уклоняться от того, что не связано с собственным творчеством, редко бывал в СК Белоруссии. Это был человек, до конца преданный музыке. Авторы единодушны в оценке его человеческих качеств: принципиальность, смелость, независимость, демократичность. Огромная трудоспособность. Открытость, проницательность. При этом по всей книге рассыпаны примеры его острых шуток, тонкой иронии, колочих характеристик.

Составитель книги, жена композитора Лариса Глебова сумела привлечь к ней многих людей, знавших Евгения Александровича. В книгу вошли и вещи, написанные ранее, того же

Владимир Солоненко

В. Быкова. О Ларисе Васильевне стоит добавить, что, будучи по специальности юристом, она сочинила либретто: балета «Маленький принц» — самостоятельно, оперы «Мастер и Маргарита» — совместно с мужем. Ею написаны для сборника, пожалуй, самые ценные страницы. А из воспоминаний других авторов следует, что Лариса Васильевна была настоящей музой композитора.

Среди участников книги — композиторы, дирижеры, музыканты, поэты, деятели театра и кино, музыкальные критики. Написал о своем друге и академик РАН философ В. Степин, до 1987 г. работавший в Минске.

Книга обильно наполнена иллюстрациями. Аппарат состоит из перечня произведений Евгения Глебова, его выступлений в печати и литературы о нем. Сборнику не помешали бы разделы «Дискография», «Сведения об авторах» и именной указатель. Но и без них книга получилась весьма достойной.

Кино и Книга

клуб

НОВОСТИ

Кинг для богатых

Последние тридцать лет Стивен Кинг — один из самых любимых Голливудом авторов: число картин по его произведениям давно перевалило за сотню. Правда, количество упорно не переходит в качество: удачные картины, снятые за 30 лет, можно пересчитать по пальцам. В этом плане волна ремейков, докатившаяся в последние годы до творчества Короля ужасов, способна исправить ошибки прошлого: в разработке у разных студий находится сразу несколько картин. Теперь список пополнит «Кэрри» — первый роман Кинга.

В 1976 году, сразу после выхода из печати, книга была экранизирована Брайаном де Палмой. Фильм с молодыми Сисси Спейсек и Джоном Траволтой имел большой успех, был номинирован на много кинопремий.

В новой экранизации (сценарий пишет Роберто Агирре-Сакаса) будут задействованы спецэффекты, которыми де Палма 35 лет назад не располагал. Учтите, что в центре сюжета — затюканная сверстницами школьница, открывшая в себе дар телекинеза и отомстившая своим обидчикам самым страшным образом, — на выходе можно ожидать чего-то вроде «Людей Икс».

Новость о том, что Universal может отказаться от экранизации «Темной башни», получила продолжение. Как сообщили, финальная производственная смета проекта (включающего три полнометражных картины и два сезона телесериала), озвученная вслух, заставила руководство студии схватиться за сердце. Поразмыв, боссы в итоге пришли к компромиссному решению: смету — переписать, съемки — перенести. Старт съемок съезжает на следующую зиму, а Акива Голдсман получил задание вычеркнуть из сценария все самые дорогостоящие места, чтобы общий бюджет проекта уменьшился до приемлемой цифры.

Несмотря на полугодичную отсрочку, запускать проект в производство надо как можно быстрее: если «Темная башня» не получит «зеленый свет» до июля, права на экранизацию вернутся к Кингу. Нам же остается надеяться, что Хавьер Бардем, давший согласие сыграть в экранизации семитомника о Стрелке Роланде Дискейне, до зимы никуда «не соскочит».

Подготовил Даниил Мартин

«Такеши Китано: автобиография» — один из тех примеров, когда название книги не очень подходит к ее содержанию. Несмотря на то, что с логической точки зрения все безупречно (эта книга действительно о Такеши Китано, и он действительно рассказывает в ней о своей жизни), оригинальное французское название «Kitano par Kitano» («Китано о Китано») соответствует ей гораздо больше. Дело в том, что это не автобиография в привычном смысле: японский режиссер выступает в ней не в роли автора, а в качестве того, кто дает интервью. Книга основана на беседах Такеши Китано и французского журналиста Мишеля Теммана, прошедшего в Японии немало лет. В отличие от классических мемуаров такой жанр имеет свои плюсы: например, автор может выбрать то, что, по его мнению, будет больше всего интересно читателям, исключая из текста слишком личные мысли рассказчика. Впрочем, подобные плюсы являются одновременно и минусами таких «мемуаров через посредника». Напиши Китано эту книгу самостоятельно — мы, вероятно, узнали бы что-то такое, чего не узнали из его бесед с мсье Темманом; то, что можно доверить только бумаге, но никак не журналисту.

Однако выбирать не приходится. К тому же для широкой аудитории любое упоминание о японском режиссере — уже что-то новенькое: для большинства из нас знания о Такеши Китано ограничиваются лишь

Китано Т., Темман М. Такеши Китано: Автобиография / Пер. с фр. К.Поздняковой.

М.: РИПОЛ классик, 2011. — 320 с. 3 000 экз. (n) ISBN 978-5-386-02995-1

его именем и родом занятий; кто-нибудь, возможно, сможет назвать еще парочку фильмов.

На самом же деле, режиссерская ипостась Китано — лишь одна из граней его личности. Он и актер, и телеведущий, и комик, и художник, и бьет чечетку, и меценат, и даже боксер. В Японии он является настоящим национальным достоянием (хотя многие его недолюбливают), этаким Стивеном Фраем Страны Восходящего Солнца, девиз которого — «Никогда не скучать!» — заставляет его совершать удивительные поступки.

У Мишеля Теммана вышла довольно пестрая с жанровой точки зрения книга: все начинается как обыкновенные мемуары, описывающие, как и полагается, сперва юность героя (который, к слову, оказывается лоботрясом почище Тома Сойера), затем его учебу в школе, в университете, работу в театре и на теле-

видении. Потом мемуары резко прекращаются — и их сменяет описание фильмов и телевизионных передач, созданных Такеши Китано.

Нельзя сказать, что эта часть «проваливается» относительно предыдущей, вовсе нет: но все-таки обыкновенный рассказ о фильмах, пусть и авторский, — немного не то, чего ждешь от книги. Прочитав предисловие и взявшись за мемуары, понимаешь, что триста с лишним страниц — слишком мало, чтобы понять героя книги. Тем обиднее, что трагедия они на то, что гораздо лучше описано в киноведческой литературе (другое дело телепередачи Китано: информацию

о них найти не так просто, к тому же в отличие от фильмов, которые при желании можно легко посмотреть, телевизионные проекты режиссера не так распространены).

Покончив с фильмографией и списком телепередач, Темман вновь меняет жанр, предлагая на этот раз сборник монологов Китано обо всем на свете: от социальной стратификации современного японского общества до проблем преподавания точных наук. Нельзя сказать, что воззрения Такеши Китано отличаются особенной мудростью, однако он поднимает такие вопросы, о которых российский читатель

вряд ли когда-нибудь задумывался. Взяв, к примеру, его монологи по поводу японской политической системы: угол, под которым он рассматривает проблему, настолько необычен и непривычен для неапонца, что легко удастся простить Китано даже его наивные и зачастую не выдерживающие критики комментарии по другим вопросам.

Япония Японией, но каким же получился у Мишеля Теммана сам Такеши Китано?

Неугомонный режиссер — довольно скромный, чтобы признать себя самоучкой, довольно дерзкий, чтобы сравнить творчество Куросавы с порнографией. Человек с незаурядным чувством юмора, один из создателей современного японского ТВ; человек с активной общественной позицией — и тараканами в голове; человек, чьим продюсером стала восьмидесятилетняя миллиардерша, которую он нежно называет «мамой». Одним словом, очень непростой человек. Однако, несмотря ни на что, нам есть чему у него поучиться: так сохранять энергичность, целеустремленность и никогда не унывать — серьезное умение.

Не будет преувеличением сказать, что такой персонаж мог появиться только в Японии, стране-лидере в области информационных технологий. Такеши Китано — настоящий и, возможно, единственный «multimedia tap», и вряд ли возможно найти кого-то, кто также соответствовал бы этому определению.

Кто он — мистер Муди

Анна Орлицкая

Куда податься девятнадцатилетнему парню, бросившему колледж, в самом конце 1980-х в Нью-Йорке? Устроиться на работу? Попытаться освоить какую-нибудь профессию? Забыть обо всем и с головой уйти в любовь? А может быть, и то, и другое, и третье сразу? Хэнк Муди пытается стать продавцом мороженого, официантом в ресторане и в гольф-клубе, но нигде не задерживается надолго. Ну, вы же помните его, героя «Californication» (или «Блудливой Калифорнии»)?! Только в сериале это был уже вполне зрелый человек (по крайней мере, по возрасту, не по темпераменту), а здесь, в книге, «играет» как бы молодой Дэвид Духовны.

Согласно сюжету сериала, роман «Бог ненавидит нас всех», а затем и его экрани-

зация (с точки зрения автора — крайне неудачная и далекая от оригинала) принесли Хэнку известность, после чего он впал в творческий кризис, который, в свою очередь, послужил причиной распада его семьи и неудач на личном фронте. Книга, которую с таким восторгом приняла воображаемая американская публика на экране телевизора, обретает свой изначальный, то есть бумажный вид. И рассказывает она о том, что случилось с ее автором (и одновременно главным героем) до того, как он стал писателем, и после того, как все его попытки устроиться на работу закончились так же внезапно, как и начались. А случилось вот что: в один прекрасный день он по чистой случайности стал наркокурьером, быстро освоился на новой работе и даже умудрился заве-

сти благодаря ей несколько полезных знакомств и парочку новых романов. Затем студент-неудачник поселился в легендарном отеле «Челси»... С этого момента — сплошные приключения.

Выгодная перепродажа марихуаны, побеги от полиции, удачный флирт с успешной фотомodelью, поездки на другой конец земного шара ради встречи с любимой девушкой, ревность и разочарования — и это еще не полный список того, что обрушилось на Хэнка Муди.

Этот роман, в общем и целом, выдержан в стилистике сериала: здесь много крепких выражений, открытых сцен и подробностей личной жизни героев. Что, разумеется, вполне ожидаемо: ведь основной читательской аудиторией книги должны стать именно поклонники

Муди Х. Бог ненавидит нас всех / Пер. с англ. В.Правосудова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 256 с. 10 000 экз. (n) ISBN 978-5-389-01550-0

сериала. Впрочем, рассматривать «Бога...» исключительно как приложение к сериалу не стоит: сюжетно книга никак с ним не связана, она вполне может быть интерес-

на читателю, не видевшему ни одной серии.

Что же касается имени реального автора истории, то оно не разглашается, и даже помещенное в конце послесловия «от автора», которое содержит традиционные благодарности, ничуть не приближает читателя к разгадке. Хотя, может быть, кто он, этот «настоящий писатель», не столь уж и важно: кто-то из читателей примет правила игры и будет считать, что книгу действительно написал Хэнк Муди, а кого-то тайна авторства заинтригует еще больше, чем фамилия знаменитого писателя. Не зря же мистификация уже много веков не теряет популярности у художников. Они с большим и вполне понятным удовольствием используют ее как способ привлечь к своему произведению внимание публики.

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям,
ГП «Генеральная дирекция международных
книжных выставок и ярмарок»

24

07.09.2011–
12.09.2011

**МОСКОВСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
КНИЖНАЯ
ВЫСТАВКА-ЯРМАКА**

**MOSCOW
INTERNATIONAL
BOOK FAIR**

Москва, Всероссийский
выставочный центр,
павильон №75

All-Russian Exhibition
Centre, pavilion # 75

В программе:

- Италия – Почётный гость
- конференция-выставка On Demand Russia 2011
- новые книги из всех регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья
- научно-практические конференции, встречи с авторами, круглые столы, семинары, презентации
- подписание контрактов, обмен идеями, поиск партнёров
- подведение итогов конкурсов «Книга года», «Образ книги», «Искусство книги»

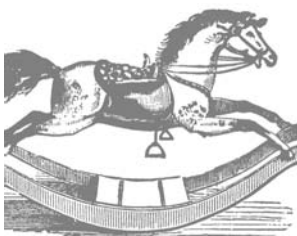
RUSSIA 2011 ИТАЛИЯ
ITALIA РОССИЯ

Прием заявок:

ГП «Генеральная дирекция
международных книжных выставок и ярмарок»
Россия, 127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, 16
Тел.: +7 (495) 699-97-90, 699-34-66, 699-40-34
Факс: +7 (495) 699-11-10, 609-01-32
Отдел рекламы: +7 (495) 699-86-55, 699-61-53
E-mail: mibf@mibf.ru
www.mibf.ru, книжнаявыставка.рф

On Demand^{TM}
conference and exposition

НОВОСТИ

Продолжение сказки

История о пограничной собаке, которую звали Алый из-за цвета ее языка, и повесть о песце по кличке Наполеон III, а еще приключенческая книга «Плавание на "Одуванчике"», которая потом превратилась в книгу «Самая легкая лодка в мире», и детектив под названием «Приключения Васи Куролесова», и, разумеется, короткие рассказы: «Заячий букет», «Жеребенок», «Старая яблоня»... Все эти книги издавались раньше и переиздаются сейчас, совершенно не залеживаясь на полках. Юрий Иосифович Коваль, который их все придумал, был одним из любимых детских писателей: в СССР, в России и в журнале «Мурзилка», где он начал печататься в 1965 году и продолжал в течение целых тридцати лет — до того момента, когда журнал приготовился выпустить его «Сказку про Алешу», написанную в очень необычной и совершенно новой для автора манере. И он ее в итоге выпустил, но, к сожалению, сам писатель последнего номера уже не увидел. За свои произведения Коваль получил множество наград: премии Всесоюзного конкурса на лучшее произведение для детей, почетный диплом им. Аркадия Гайдара, «Андерсоновский диплом» и премию «Странник» Международного конгресса писателей-фантастов (в 1996 году, посмертно). Сам же Коваль не раз говорил о том, как он любит «Мурзилку», не случайно он не только печатался в этом журнале, но также был и неизменным членом его редколлегии. Здорово, когда любовь взаимна: в память о Ковале редакция учредила премию его имени, которой награждает авторов «За талантливые, высокохудожественные произведения литературы и искусства для детей и за весомый вклад в развитие журнала "Мурзилка"». Лауреаты Премии прошлых лет — поэт, писатель и переводчик Ирина Токмакова; автор Мишки — талисмана Олимпиады 1980 года — художник Виктор Чижиков; писатель Марина Москвина и ученый Игорь Сухин, создавший проект «Шахматы — детям» Министерства образования и науки РФ.

В этом году Премию было решено присудить Ирине Антоновой — писателю, драматургу, сценаристу и заместителю главного редактора «Мурзилки», писателю и поэту Андрею Усачеву и художнику Николаю Устинову.

Подготовила Вера Бройде

Болтать ногами, потому что они не достают до земли, и воображать. Фантазировать про себя, фантазировать вслух, придумывать неведомые страны, мечтать о вековых баобабах, которые не обхватишь и целым хором в сто рук, думать о сером слоне Махаоне. На Махаона можно забраться и ехать верхом. Махаон будет мотать головой, шевелить ушами, а ты будешь наблюдать горячую саванну с самой большой колокольни под названием слон. Как же хорошо иметь своего слона! Как же... Мечты — область детства. Или нет. Мечты — это область, куда детство сначала прячется, а потом и вовсе деваается, когда маленький человек становится большим. И переход этот у всех происходит по-разному, в разное время и при разных обстоятельствах. Не существует лакмусовой бумажки, которая бы сказала наверняка, кончилось детство или еще нет. Никакие усики или ломающийся голос о том не скажут. Герой этой повести тоже мечтает, как и все остальные дети. Только мечтает он необычно: «Мой папа — великий путешественник. Он сейчас в Африке. Едет на слоне и кормит диких страусов!» Мы читаем и понимаем, что фантазия, которой наделен мальчик Петька Жинжиков, не просто фантазия, и возникла не сама по себе.

Петька хочет отца, которого у него нет, хочет сейчас или никогда, и все — такая вот детскость. Садится в автобус и едет его искать — такая вот взрослость. Он ничего не боится, ему как будто бы нечего терять, его ничего не интересует, кроме намеченной цели — Африки, которая так умело скрывает и не возвращает

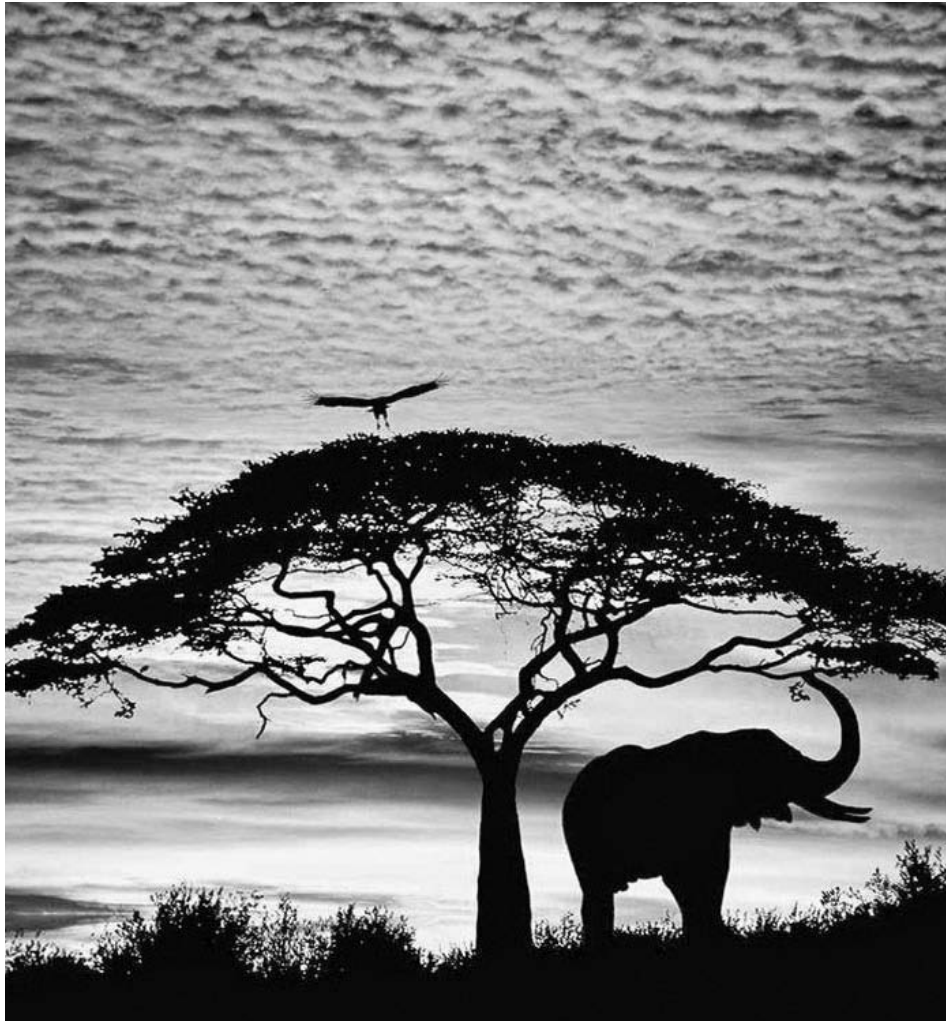
Ключарева Н.
В Африку, куда же еще?

СПб.: Лимбус Пресс, «Издательство К. Тублина», 2011. — 192 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-8370-0595-4

папу. И пусть другие судачат: «На нарах твой батя, а не в Африке», — школьник не слушает и уезжает из родного Сапожка навстречу приключениям.

Есть книги для детей, а есть про детей. Совершенно взрослые книги про совершенно взрослых детей. Именно к этой категории и можно причислить «В Африку...» — первую детскую книгу, написанную прозаиком и поэтом Натальей Ключаревой. Ее Жинжиков — мальчик, который обладает такой глубокой внутренней свободой, какой многие взрослые только мечтали бы обладать. Он может бросить все: и школу, и маму, и дом. Может спать на улице, ничего не есть, зарабатывать на хлеб пением в электричках. А вот его двоюродный брат, сопровождающий путешественника всю дорогу, — разумный и здравомыслящий, и постоянно одергивает: ты чего, поехали домой, там тепло, там рыбный суп.

Мальчики передвигаются зайцем по большой и дикой стране и достигают Польши. Но тут брата ловят провошники, а Петька бежит, пря-

чется в грузовике и в итоге попадает в польский интернат, где, потеряв попутчика, он словно теряет и разум и, оказавшись в полном одиночестве, кажется, кое-что понимает о смерти. Теперь его существование ничем не отличается от существования овоща: так же просиживает у окна и лишь механически выполняет то, что велит. Но вдруг откуда ни возьмись — не из Африки и не с «нар» — возникает отец, Жинжиков старший. Он такой же свободный, такой же путешественник и авантюрист, как

и его сын, и они отправляются обратно — в Россию. А «в Африку? Дело хорошее. Только к ней подготовка нужна. Во-первых, прививки. Во-вторых... В-третьих».

«В Африку, а куда же еще?» — история о детях, которые давно уже не маленькие. Вот скажите, разве можно считать маленьким того, кто способен отправиться на поиски своего счастья и научить взрослых отличать настоящее и ценное от надутого и глупого? Вряд ли...

Кроме повести, в эту книгу вошли и рассказы —

маленькие истории, похожие на эссе. Импрессионистские зарисовки, сделанные в попытке вернуться в прошлое, переосмыслить его и понять. Это — ощущения ребенка от пребывания на даче, первое знакомство с растениями (вон шиповник, он съедобен, а вон подорожник, первое средство в местной аптечке) и тайны взросления: «В пятнадцать лет поиск смысла стоял перед нами не как философская проблема, а как вопрос жизни и смерти, буквально, без всяких преувеличений».

Детки из клетки

Полина Полякова

Все дети на Земле мечтают стать взрослыми, чтобы вести себя — как взрослые: есть сотни килограммов сладостей до, после и во время обеда, не вылезать из речки по указу родителей и гулять ночью до появления луны. Дети, живущие за Стеной, представляют себе взрослую жизнь немного по-другому: вместо серебряного пуха на голове наконец вырастут густые длинные волосы, с кожи исчезнут странные коричневые пятна, а сил будет так много, что можно будет лезть по деревьям целыми днями и не чувствовать себя смертельно усталым. За двенадцать лет жизни их организм истощился, как у семидесятилетних стариков. Страх и изумле-

ние их воспитателей можно сравнить с ужасом ребенка, обнаружившим в тайнике у родителей просроченные сладости. И — хотя воспитатели неплохо скрывают свои эмоции — пронзительных Миру и Эви сложно обмануть: они, по сравнению с другими детьми, чрезвычайно много думают и любопытничают. Любопытство и приводит их туда, где живут вымершие лошади из сказок, которые им читает обаятельный рыжеволосый воспитатель с мечтательным именем Дрим. Найдя проход в каменной стене, Мира и Эви решают посмотреть мир, где их ждут благодетельствующие коровы и жестокие злобные люди. Так начнется путешествие в дру-

Лаврышина Ю.
Улитка в тарелке.
М.: КИТОНИ, 2011. — 208 с. 2000 экз. (п)
ISBN 978-5-91679-019-1

гой, то есть как бы наш, мир — испытание на прочность и выносливость, причем и физическую, и психологическую.

Это история — детская лишь наполовину. Скорее взрослая история с детской душой. Она балансирует на грани фантастики, психологического романа и подростковой повести — и при этом не содержит в себе ни грамма дидактики. В героев, которые выбрались из тесной тепличной обстановки и, как ни странно, оказались достаточно сильными, чтобы узнать правду и выдержать ее тяжесть, — влюбляешься уже после пары диалогов. Ну как можно не восхищаться Эви, миниатюрной копией Отелло, только в разы добродушнее и наивнее? Как может не понравиться Сол — новый друг, который появится у детей

в этом мире, — такой щедрый и благородный, мужчина двенадцати лет от роду? Наевшись до отвала вязкого смородинового варенья и наклеив пластилиновых фигурок, они вместе будут выпытывать тайну у того самого Дрима, воспитателя с оранжевыми волосами.

Вообще-то, история о детях, состарившихся раньше времени, по закону должна быть трагична, но все выходит несколько иначе. Гнетущее ощущение обреченности если и посещает, то ненадолго: оно проходит, оставляя после себя что-то большое и легкое — вроде пушистого стога сена, на котором в конце, как на батуте, прыгают и старички, и дети.

«Странствие слона»

фрагмент

Сколько бы нелепым и ни с чем не соотносящимся ни казалось тем, кто не ведает насущной важности для бесперебойного хода государственных дел, дел постельных, как освященных таинством брака, так и числящихся в разряде шашней на стороне или вообще носящих характер эпизодический, однако первый шаг к необыкновенному странствию слона в австрию, о коем, то есть о странствии, но и о слоне тоже, мы намерены рассказать, свершен был в личных королевских покоях в тот час, когда пора было отправляться более или менее на боковую. И да не останется без внимания, что отнюдь не случайно, но с расчетом и умыслом употреблено здесь оное расплывчатое более или менее. Поскольку благодаря ему удастся с восхитительным и более чем похвальным изяществом уклониться от внедрения в низменные и почти неизменно нелепые подробности физического и физиологического свойства, кои, посредством шариковой ручки, будучи преданы гласности, оскорбили бы, вне всякого сомнения, строгую католическую нравственность дона жоана, третьим из своих тезок царствовавшего в португалии, и доны катарины австрийской, нынешней супруги его и будущей бабки дона себастьяна, которому суждено будет сражаться в битве при алькасеркибуре и пасть в первом же столкновении с неприятелем — то ли в первом, то ли во втором, хотя в избытке имеется тех, кто уверяет, будто он, постигнутый недугом, опочил вообще накануне битвы. И вот что, хмуря брови, сказал в ту ночь король королеве: Что-то сомневаюсь я, госпожа моя. В чем же, господин мой? Сомневаюсь я, госпожа моя, что подарок, который четыре года назад преподнесли мы на свадьбу нашему кузену максимилиану, достоин был его исключительных дарований, добродетелей и заслуг, я и тогда сомневался, а теперь, когда оный максимилиан так близко от нас, в вальядолиде, рукой, можно сказать, подать, и правит испанией, надо бы подарить ему что-нибудь более ценное, бросающееся в глаза, какого вы мнения, госпожа моя, о сем предмете. Может, дарохранительницу, а я не раз уж замечала, что предмет, счастливо совкупающийся в себе ценностью материальную с духовным смыслом, особенно радует того, кому вручается. Святая наша мать католическая церковь на такие вольности, милая моя супруга, глянет косо, тем паче, полагаю, что из ее безупречно устроенной памяти еще не вовсе изгладились симпатии максимилиана к сторонникам реформации — протестантам, лютеранам или кальвинистам, я их вечно путаю. Изыди, сатана, вскричала королева, осеняя себя крестным знамением, ах, я о том и не подумала, завтра же чем свет пойду исповедуюсь. Отчего же прямо завтра, осведомился король, вы ведь и так чуть не всякую неделю бываєте у исповеди. Оттого, что не иначе как по наущению врага рода человеческого голосовые мои связки облекли в звуки эту святотатственную мысль, и, чтоб вы знали, по сию пору горит у меня гортань, так горит, словно ее коснулось пламя геенны. Король, привычный к преувеличениям, столь свойственным его супруге при описании чувственных своих ощущений, пожал плечами и вернулся к занозистой теме подарка, могущего порадовать эрцгерцога максимилиана австрийского. Королева отбормотала одну молитву, принялась за другую, но вдруг оборвала себя на полуслове и чуть что не вскричала: Соломон. Что, переспросил король, обескураженный несвоевременным и неуместным призыванием иудейского царя. Да-да, соломон, наш слон. А зачем тут, в спальне, слон, впадая в еще большее недоумение, рас-

В 1551 году, в царствование короля Жоана Третьего, из точки А — Лиссабона в точку Б — Вену с надлежащей скоростью вышло крупное хоботное. Несколько столетий спустя это путешествие вдохновило Жозе Сарамаго на роман «Странствие слона». Прочитать его на русском можно будет этим летом. Книга выходит в издательстве «Эксмо».

терянно осведомился король. Для подарка, государь, для свадебного подарка, отвечала королева, в крайнем и ликующем возбуждении вскочив с кровати. Что это за подарок на свадьбу. А чем не подарок. Король медленно кивнул три раза подряд, а потом, помедлив несколько, еще три раза, а уж после этого произнес, как бы допуская возможность того, что: Это занятная мысль. Да не просто занятная мысль, а превосходная, блестящая идея, отвечала королева и не сдержала нетерпеливого и несколько даже непочтительного движения рукой, уже два года, как это животное привезли из индии, а оно только жрет да спит, чан с водой всегда полон, корма — горы, а мы словно подрались содержать этого дармоеда, причем безо всякой надежды на оплату. Бедное животное не виновато, что здесь нет для него работы, разве что отправить его на верфи в устье тежу доски таскать, но ему там несладко придется, потому что его узкая специализация — бревна ворочать, благо и хобот для такого приспособлен лучше. Вот пусть и отправляется в вену. А как же он отправится. Ну, это уж не наше с тобой дело, если кузен максимилиан будет его хозяином, ему и решать, а сам он, я полагаю, еще в вальядолиде. Сведений о том, что его там нет, не получал. Разумеется, туда слон отправится своим ходом, на своих на четверых. И в вену тоже, другого способа нет. В этакую-то даль, спросила королева. В этакую, значительно кивнул король и добавил немного погодя, завтра отпишу кузену максимилиану, и если он согласится принять этот подарок, надо будет все прикинуть и рассчитать — когда, к примеру, намеревается он отбыть на родину и сколько дней потребуется соломону, чтобы дойти от лиссабона до вальядолида, а прочее нас в самом деле не касается, умываем руки. Да-да, умываем руки, сказала королева, хотя в самых сокровенных глубинах нутра — там, где и гнездится противоречивая суть натуры человеческой, — ощутила внезапную боль оттого, что отпускает слона соломона одного в неведомые края, к людям чужим и странным.

На следующий день, рано поутру король вызвал к себе секретаря перо де алкасову-карнейро и принялся диктовать ему письмо, которое, впрочем, с первой попытки не получилось, со второй не вышло и даже с тре-

тьей не удалось, так что пришлось доверить риторической опытности и испытанному искусству составления эпистол от государя к государю, каковым искусством в совершенстве владел помянутый выше перо де алкасова, прошедший лучшую на свете школу родного своего отца, антонио карнейро, по смерти коего и принял эту должность. И было это письмо совершенно как по начертанию букв, так и по приведенным в нем доводам и с округлою дипломатичностью оборотов допускало, что подарок может и не прийтись по нраву и вкусу эрцгерцогу, хоть ему тем не менее было бы смертельно трудно отказаться от него, ибо король португальский в стратегически важном месте письма утверждал, что нет во всей его державе ничего более ценного, нежели слон соломон, как потому, что цельность замысла божьего объединяет все творения и уподобляет их друг другу — бытует даже мнение, что человек и создан-то был из слоновьих останков, — так и по собственным достоинствам, телесным и духовным, изначально присущим сему животному. Вслед за тем, как эпистола была запечатана, король призвал к себе своего главного конюшего, человека хорошего рода и пользующегося полнейшим его монаршим доверием, и велел ему подобрать свиту, приличную рангу посланца, но главным образом — подобающую ответственности возложенно на него поручения. Конюший поцеловал руку своему государю, а тот со значительностью оракула произнес следующие выпренные слова: Да будет стремительней аквило-на бег твоего коня, и прямее орлиного полета — стезя твоя. А потом, сменив тон, дал несколько практических советов: Нет нужды напоминать, что коней должно тебе менять, едва лишь в том возникнет необходимость, ибо для чего ж, как не для этого, существуют почтовые станции, и это не тот случай, чтобы деньги беречь — в отличие от времени, так что и спать будешь в седле, покуда конь галопом несет тебя по кастильским дорогам. Посланец то ли не понял шутки, то ли предпочел пропустить ее мимо ушей, но ограничился таким ответом: Приказания вашего величества будут исполнены в точности, в чем порукой — слово мое и самое жизнь, после чего удалился, как положено, не поворачиваясь спиной и отвешивая поклон через

каждые три шага. Он — лучший из всех главных конюших, промолвил король. Лстыивый отзыв о сем мнении, который выразился бы в том, что, мол, и не может быть иным и вести себя иначе человек, лично выбранный государем, секретарь решил придержать при себе. И потому придержать, что ему показалось — нечто подобное он уже говорил и не очень давно. И в эту минуту явственно припомнился ему совет отца: Будь осмотрителен, сын мой, часто повторяемая лесь в конце концов неизбежно перестает греть душу того, к кому обращена, но, напротив, — начинает задевать как оскорбление. И потому секретарь, следуя, хоть и по иным причинам, примеру конюшего, счел за благо промолчать. А король прервал это молчание, дав право голоса внезапно пробудившейся в нем заботе: Я тут подумал и считаю, что должен пойти поглядеть, как там соломон. Не угодно ли будет вашему величеству, чтобы я позвал стражу сопровождать вас, спросил секретарь. Не надо, двух пажей будет довольно, один — чтоб передавал мои распоряжения, а второй — бегал проверять, куда запропастился первый и почему его до сих пор нет, ну и ты тоже иди, если есть охота. Государь, честь, которой вы удостоиваете меня, несоразмерна моим заслугам. Ну, что ж, считай это авансом, умножай заслуги свои, покуда не сравняешься ими с отцом, земля ему пухом. Целую руки вашему величеству с такой же любовью и почтением, как дельвал это покойному моему батюшке, царствие ему небесное. Теперь уж мне кажется, что это несколько превышает мои достоинства, заметил король с улыбкой. Никто не превзойдет вас, государь, в искусстве умосложения и в умении дать ответ мгновенный и находчивый. Вот как, а ведь иные и даже многие уверяют, будто феи, собравшиеся некогда у моей колыбели, не одарили меня искусством сплетать слова. Государь, да что слова, ваше намерение проведать слона соломона есть и, полагаю, пребудет чем-то большим, нежели слова, это деяние, деяние поэтическое. Что это такое — поэтическое деяние, спросил король. Известно, ваше величество, мы замечаем его, лишь когда оно случается. Но я пока всего лишь выказал намерение посетить слона. Полагаю, и вымолвленного королем слова будет достаточно. Мне смутно припоминается, будто в риторике подобный оборот именуетсся иронией. Виноват, государь. Прощен, секретарь, и если все прочие твои прегрешения таковы и не тяжеле этого, рай тебе обеспечен. Не знаю, ваше величество, не уверен, что сейчас — лучшее время отправляться на небеса. Что ты хочешь этим сказать. У нас теперь появилась инквизиция, и, стало быть, охранные грамоты в виде исповедий и отречений больше не спасают. Инквизиция будет поддерживать единство среди христиан, в том цель его. Цель святая, спору нет, ваше величество, осталось лишь узнать, какими средствами будет она достигнута. Свята цель, святые, значит, будут и средства достижения, отвечал на это король довольно неприятным тоном. Прошу прощения, ваше величество, кроме того. Кроме чего. Кроме того, умоляю вас, ваше величество, увольте меня от посещения слона соломона, боюсь, нынче общество мое едва ли будет приятно вам. Нет, сказал король, не уволью, мне нужно, чтоб ты был рядом. Позволено ли будет мне осведомиться, зачем нужно. У меня у самого мозгов не хватит сообразить, произойдет ли то, что ты назвал поэтическим деянием, сказал король и выпустил на уста легкую улыбку...

Перевод с португальского
Александра Богдановского

книжное обозрение

№12 (2310), 20–27 июня 2011 г.
115054, г. Москва, Пятницкая ул., 71/5, стр. 2.
Тел. (495) 955-79-70
Адрес в Интернете: www.knigoboz.ru
E-mail: all@knigoboz.ru
Учредитель ФГУ «Редакция «Российской газеты»

Главный редактор Александр Набоков.
Ответственный секретарь Ольга Воронина.
Редактор приложения «PRO» Юлия Коржавина.
Отдел рекламы Анастасия Набокова.
Отдел рецензирования Вера Бройде, Мария Мельникова.
Отдел клубов Дмитрий Малков.
Обозреватель Данила Давыдов.
Спецпроекты Евгения Черкасова.
Отдел библиографии (тел. 629-25-77):
Ольга Казакова, Наталья Яковлева.
Приемная Лидия Бочкова.
Верстка Валерий Иванов.
Корректра Регина Митропольская, Наталия Ремизова.

Распространение Валентин Филатов.
© Газета «Книжное обозрение»
© Дизайн Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.
За содержание рекламных публикаций редакция ответственности не несет.
Использование материалов без согласия редакции запрещено.
При цитировании ссылка на «Книжное обозрение» обязательна.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Газета зарегистрирована в Федеральной службе в сфере массовых коммуникаций, связи и культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30853
от 29 декабря 2007 года.

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
Тираж 10 050. Номер подписан в печать 17.06.2011.
Объем 3 п.л. Заказ № 2488
Подписные индексы: 50051; 83102 (с приложением).
Реализацию «КО» на территории РФ и стран СНГ осуществляет ЗАО «АПР» (тел. +7 (499) 195-43-15) и ООО «МАП» (тел. +7 (495) 648-93-94).
Газета отпечатана в типографии
ОАО «Издательский дом «Красная звезда»
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38
<http://www.redstarph.ru>

альбом

«Камчатка»

В стране медведей и вулканов

Вера Бройде

Нечаев А.
Чудеса земли Камчатки:
Четвертое издание, обновленное
и дополненное.

М.: Новая Книга, Логата, 2010. – 176 с.
5200 экз. (п) ISBN 978-5-900858-49-4

Скажите, пожалуйста, вы можете припомнить какую-нибудь нехудожественную книгу, которая была бы написана пару столетий назад и при этом не потеряла ни научной, ни беллетристической ценности? Да-да, конечно, задача, пожалуй, слишком тяжелая, если надеешься услышать скорый ответ, — так что вот подсказка, чтобы ее облегчить: эта книга, очевидно, должна быть посвящена какой-нибудь «закрытой» теме — незнакомой, далекой и непривычной, мало и плохо исследованной, чудесной, может быть, даже волшебной и, вероятно, опасной. Взятые вместе, все эти определения звучат так романтично, но кое-кто знает, что их легко можно уложить в одно лишь слово. Камчатка — чем не тема? Что же касается книги, то Андрей Нечаев — фотограф и автор этой истории — уверенно и совершенно безапелляционно называет издание, которое оставил после себя в 1755 году Степан Крашенинников — один из первых исследователей Места на Краю Света. В какой-то степени, Нечаев идет по его стопам, вот только у его предшественника, как вы понимаете, не было даже советского «Зенита», не говоря уже о немецкой пленке. Из чего можно сделать вывод, что цивилизация не так ужасна, как ее рисуют: по крайней мере, у нее есть несомненные плюсы.

Вот, например, дороги — это плюсы или минусы? Только не спешите: тут ведь, в смысле, на Камчатке — как посмотреть: дорог нет, но зато в вашем распоряжении море и воздух. По-другому на полуостров не попадешь, потому что за триста лет после его открытия русскими казаками ни одной так и не было проложено. И это... чудесно, красиво и правильно. Вряд ли можно представить что-то более дикое — в этом диком крае, — чем асфальтированные дороги и автомобили. Нечаев называет Камчатку «сказочным кораблем», который готовится к отплытию, вот уже сотни тысяч лет как готовится. Пожалуй, эта книга и правда чем-то похожа на экскурсию по загадочному кораблю, огромному, пятимачтовому, великолепному и одинокому. Словно вас проводят по палубам, дают заглянуть в каюты и рубку капитана, показывают устройство котельной, объясняют назначение мощных винтов. Так кажется потому, что в этом альбоме к вам относятся не только как к зрителю, и даже не только как к читателю, но «подступают» и с других сторон.

Здесь есть, например, музыка — это шум Тихого океана, звенящее падение заиндевевших листьев осенью и тишина камчатских вулканов, особенная тишина, наполовину тревожная, наполовину спокойная. Здесь есть причудливый дизайн, который наверняка бы вдохновил Гауди, но создан был природой: «пьяный» березовый лес, растущий на горных плато, и все деревья в нем — кривые и наклонены в разные стороны, как будто согнуты колдуном. Здесь есть фантастика — это снежный покров высотой десять метров (честное слово — не шутка и не преувеличение). Здесь есть космос, «брошенный человеку под ноги», — это сине-зеленые водоросли и минералы, уходящие вглубь земли воронки («словно чьто внимательные глаза») и изгибающиеся линии горячих ручейков в Долине Гейзеров — Кальдера Узон. Есть загадки — это Великан, Жемчужный, Фонтан, Большой и Щель, — не имена собак, а названия гейзеров, обнаруженных в 1941 году их первооткрывательницей, советским геологом Татьяной Устиновой. И парадоксы есть: островной тюлень — антур, похож на щенка далматинца; камчатские птицы обожают завтракать красной икрой; громадный медведь, внушающий страх, — трогателен и беспомощен, когда спит, развалившись на черном морском песке; а первая и последняя любовь лосося, возвращающегося в ту самую речку, где он появился на свет, — столь сильна, что заставляет усомниться в его уровне развития (ученые, несомненно, занизили этот показатель). Здесь даже театр есть — это когда косолапый рыболов высматривает добычу с берега, или сторожит ее на перекатах, или, как чучело, стоит неподвижно на мелководье, а потом с шумом плюхается в воду — и слышен лишь треск позвонков.

Это очень дружелюбная книга: ее тон, интонации, то, на что фотограф-писатель-путешественник обращает свое внимание, — почти всегда как-то... светлы, что ли. Всегда выше человеческого роста. И это при том, что жизнь на краю света не имеет с нашей почти ничего общего: она полна коварства жгучих зыбунов, прикидывающихся зеленой травкой, и ураганных ветров, камнепадов, ледников, обрывов. Она очень суровая и очень разумная, прекрасная и хрупкая. Боишься, восхищаешься, завидуешь и мечтаешь.

